

Люмила МИХЕВСКАЯ

Сериял «**Муза** **Добрая** –
искательница приключений»

**ЛЮБОВНИКИ
ЧЕРТОВОЙ БАБУШКИ**

Муза Добрая – искательница приключений

Людмила Милевская

Любовники чертовой бабушки

«Автор»

2004

Милевская Л. И.

Любовники чертовой бабушки / Л. И. Милевская — «Автор»,
2004 — (Муза Добрая – искательница приключений)

Легко и непринужденно, как учила ее любимая бабушка. Муза Добрая вышла из загса, где только что развелась с четвертым мужем. Она снова одна, чертовски хороша, но без любящего мужчины. Легко бабуле, встречи с которой до сих пор жаждут воздыхатели из разных стран мира. А у Музы, едва она открыла дверь собственной квартиры, произошло свидание... с собственным трупом! Да – именно труп и именно Музы лежат на ее любимом диване в хорошо знакомом халате и тапочках... Но как только она придумала, каким образом от этой «сюрприза» избавиться. Музу... завербовали! Так она попала за границу. Ей выдали несметное количество денег и приказали... тратить их на свое усмотрение! А что может быть приятнее для молодой женщины? Нет ли в том какого подвоха... – задала себе вопрос Муза и бодро отправилась по магазинам. Подвох не заставил себя долго ждать...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Людмила Милевская

Любовники чертовой бабушки

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Куда идет женщина, которую бросил муж?

Если женщина поставила крест на своей женской карьере, она идет в кондитерскую; та же, которая всякое поражение считает решительным шагом к победе, отправляется в магазин дорогого белья.

Видимо, я, Муза Добрая, отношусь ко вторым. Выйдя из загса, я зашвырнула в сумочку паспорт со штампом о разводе и расплакалась. Пока я плакала, ноги несли меня на Невский проспект. Что там? Там мое все: Пассаж, Гостиный Двор и прочее, необходимое женскому сердцу.

Если в Гостином Дворе выстроилась очередь не из богатых туристов, а из бедных питерцев, значит, там грандиозная распродажа. Лишь грандиозная распродажа сопровождается мизерными ценами, милыми питерцам, культурным, но бедным. Так и было: в Гостином Дворе полным ходом шла распродажа коллекционного белья.

Не смешно ли? Мы, нищие, решили оттоптать друг другу пятки за кусочек чуждой нам роскоши. Конечно, смешно.

Цены тоже были смешные, так почему бы не потоптаться с часок? За настоящим комплектом от «Кристиан Диор» стоимостью, равной «Диору» китайскому, можно потоптаться и пару часов.

Но лишь потоптаться мне не удалось – почему-то никогда не ограничиваюсь малым. Я невезучая, неприятности у меня по максимуму: не успела и глазом моргнуть, как на меня, высокую молодую женщину, совершила налет пожилая кнопка-брюнетка. Заявив, что на моем месте стоял ее муж, она попыталась вышвырнуть меня (обиженную судьбой) из очереди.

И очередь с ней согласилась: да, здесь стоял мужчина, который ушел. «Но я тоже стояла и мужчины не видела!» Моих веских доводов не приняли, пришлось от отчаяния заявить, что тот мужчина, который ушел, был моим мужем. Брюнетка взвизгнула:

– У нас не может быть общего мужа!

– Само собой, – согласилась я. – Вы старая, а я молодая.

Зря правду сказала – это редко приводит к добру. Мне ли, Музе Доброй, об этом не знать? Ах, как я за правду свою настрадалась...

И все же я сделала эту глупость, краем глаза отметив, что очередь состоит из одних только женщин. И молодых среди них катастрофически мало. О горе мне!

Живо взглянув на очередь объективно, я сообразила: «Поскольку я высокая, статная и симпатичная, а моя оппонентка – маленькая, сутулая и замухрышистая, то преимущества целиком и полностью на ее стороне. Будь в этой очереди побольше мужчин, вот тогда бы...»

В этом вся я, со своей невезучестью. Меня подводит даже то, что другим помогает. Казалось бы, чем плохо быть симпатичной?

«Сейчас мне придется туго», – подумала я, ловя на себе неприязненные взгляды.

Но деваться некуда: пришлось демонстрировать олимпийское спокойствие в совокупности с исключительной интеллигентностью. Конечно, насколько это возможно в разъяренной дешевым «диором» очереди.

– Какие у вас доказательства, что мой муж – ваш муж? – голосом, полным мягкой рассудительности, спрашиваю у брюнетки.

– Я стояла с ним рядом, – несуразно отвечает она.

– Если каждая, постояв с моим мужем, станет притязать на него, что же это будет? Этак вся очередь вступит с ним в брак, – по-прежнему сохраняя нотки доброжелательности, возражаю я.

Возражаю, заметьте, мудро. Брюнетка же «наезжает»:

– Я не каждая. Вот туфли. Это его, – попирая логику, заявляет она.

В моей жизни было много ненависти, потому что в ней было слишком много любви. Согласна, в дальнейшем я повела себя несколько безрассудно, но у меня есть оправдание: меня бросил муж. И нервы ни к черту, и очередь смотрит так, словно знает уже о моем унижении. Согласитесь: обстановка благоприятная только для драки.

Драка и получилась. В основном били меня. Правда, и я в долгу не осталась.

Но все по порядку...

Ах да! Здесь надо сказать, что мужчины в моей жизни появляются неожиданно – как и месячные. Увы, для женщин и то и другое – невыносимо критические дни. И те и другие приходят с удивительной регулярностью, едва ли ни минута в минуту, но почему-то факт их появления ошеломляет меня всякий раз. Сначала это ошеломление радостное, а потом оно доставляет массу хлопот и неудобств. Все это сопровождается утомительным ожиданием: «Когда же, наконец, конец?!» Конец, чаще всего, незаметен, после чего я обретаю спокойствие.

И затем все сначала, радостное удивление, масса ненужных хлопот и страстное нетерпение: ожидание конца. Видимо, в этом и заключается женское счастье.

Так вот, прямо в этой дешевой очереди я нашла своего очередного мужчину – свое счастье, если так можно сказать. Он шел...

Нет, не так. Он летел!!! (Ко мне.) Летел, сопровождая этот нетерпеливый полет радостной улыбкой восторга!!!

Кажется, так. Не слишком слащаво я завернула? Признаю, чуточку переборщила, но я мечтательница, причем неисправимая – куда деваться? Суровая действительность такова. Российской женщине иной раз только эта радость и достается: мечтать, мечтать и еще раз мечтать, как завещал нам...

Впрочем, не помню, кто завещал. Кажется, кто-то великий – тот, по чьему плану в России эта суровая действительность и создавалась.

Так вот, он шел ко мне, а я на него смотрела во все глаза и понимала: «В жизни моей появился очередной мужчина! Ах, я опять не одна буду сражаться с суровой российской действительностью!»

Но как бы не так: я сразу ошиблась. Оказалось, снова одна: он спешил не ко мне, а к брюнетке. И улыбку свою нес он ей, а не мне. Он, красивый и стройный, бодрым шагом возвращался в строй, держа под мышкой коробку. Большую коробку.

Кстати, у меня тоже коробка была, не меньше. По пути в эту очередь я успела-таки завернуть и в другие отделы, купила себе...

Впрочем, долго перечислять, поэтому вернемся лучше к коробке. Когда брюнетка начала потрясать острыми кулачками перед моим носом, я положила сумочку со штампом... Ой, простите (оговорка по Фрейду), я положила сумочку с паспортом в эту коробку, ну, чтобы иметь свободной хотя бы руку, то есть хотя бы одну. Мало ли...

И вот теперь идет этот мужчина с коробкой, я всей душой устремляюсь к нему, а он устремляется к злой брюнетке.

Ах, какой одинокой я себя ощутила!

Такой заброшенной и никому не нужной почувствовала себя...

Что сразу захотелось сделать гадость брюнетке!

Уж простите, со мной это редко бывает, но пришлось так подумать: «Чем я, Муза Добрая, хуже этой злой Выдры? Лучше всем: от ног до талии и значительно выше! Но мой муж (пигмей и урод) целый год жил за мой счет, не улыбался, а только орал, я все терпела, но он сам же меня и бросил! Где справедливость?! С этой Выдрой нянчится такой красавец мужчина! И еще она на меня нападает? Да будь у меня такой высокий и приветливый муж, я была бы добрей своей доброй фамилии! Фу-у! Как подумаю, что в моем роду все были Добрые, сразу тошно становится!»

– Вот ты как?! Подлый изменщик! – гордо заявила я, вручая мужчине свою драгоценную коробку, набитую (если вы еще не забыли) покупками и документами.

Он широко открыл рот, но ничего не сказал, покорно принимая мою коробку. Так и стоял, растерянный, коробками облепленный. Я же, пользуясь тем, что руки свободны, не долго думая, дала отпор Выдре, представившейся его женой. К тому времени она набросилась-таки на меня с кулаками, да еще как резво – прямо на глазах росли мои шишки и синяки.

Пришлось за себя постоять.

– Как ты мог?! – восклицала я, обращаясь к мужчине, но таская за волосы Выдру. – Как ты мог изменить мне с этим ничтожеством, да еще поставить ЭТО в нашу с тобой очередь?

Мужчина буквально остоленел. Зрелище не для слабых женщин: красавец-исполн с двумя коробками под мышками. Синеглазый блондин! Нос, как у министра финансов! Подбородок, как у премьера! Клянусь, он был красивей всех президентов, вместе взятых: и наших, и американских!

Я, чтобы не залюбоваться и не потерять над его Выдрой контроль, старательно отворачивалась. Однако краем глаза все же увидела, что на смену его изумлению явились другие чувства. Видимо, до мужчины начало доходить, ЧТО рвут мои пальцы. Да! Не что иное, как перья, которые его выдра-жена называет кудрями!

Я ЭТО рвала!

Сладострастно!

Поначалу смелость моя поразила мужчину. Было заметно: он даже в мыслях не допускал, что такое возможно. Потом в его глазах промелькнула обида следующего содержания: «Почему эта мысль не пришла в мою умную голову?» И вскоре уже я заметила на его красивом лице самое настоящее удовольствие. (Которое он неумело пытался скрыть под маской фальшивого возмущения – пассивного возмущения.) Я стройная и на вид хрупкая женщина, но в больших ладах со спортом, а потому справлялась с Выдрой легко.

Кстати, развод с мужем тоже немало мне в том помогал. Выдра не рада была, что напала.

Досталось ей за все: за мою злую судьбу, за то, что рано осиротела, за альфонсов мужей, которые меня обирали, за одиночество, за усталость бороться с российской действительностью, за то, что сбережения в банке пропали (до последней копейки!), за наглых соседей, бросающих окурки на мой (всегда чистый) балкон...

Короче, за все.

«Главное, чтобы никто не примкнул к нам из очереди», – думала я, отводя душу на Выдре.

Но добровольцев в очереди не нашлось, а муж Выдры был моим единомышленником – в этом я не сомневалась. Правда, его жена истерично взывала о помощи, но я чем сильнее лупила ее, тем громче вопила сама. Поэтому он легко мог сослаться на шум.

Поскольку мне никто не мешал, я увлеклась и была Выдру довольно долго (как мне показалось). Остыв и пресытившись, решила вернуться в «строй», но в этот момент очередь заволновалась: прошел слух, что заканчиваются ходовые размеры, и вообще, универмаг закрывается.

Услышав это, Выдра мгновенно утратила интерес к драке, выскользнула из моих рук и потонула в толпе. Я и ее муж, наоборот, немедленно соединились (в самом приличном смысле): мы были плотно прижаты друг к другу толпой.

И... все как в женских романах: я посмотрела в его глаза, он – в мои, и нахлынуло!

Что это было, объяснить весьма трудно. То ли, связанные общей ненавистью, мы прониклись обоюдным сочувствием. То ли, объединенные одной радостью, мы испытали друг к другу симпатию. То ли его скандальная Выдра элементарно ему надоела...

Уж не знаю, но мы продолжали стоять, тесно прижавшись даже тогда, когда в этом не было никакой необходимости: народ схлынул, и стало даже пустынно.

А мы стояли, глядя друг другу в глаза!

Я забыла про все на свете, унеслась с ним в райские дали...

Единственное, что сохранилось в моей голове от незадавшейся прошлой жизни: штампик в паспорте. Остальное – вылетело со свистом!

Вот как мы стояли!

И стояли мы до тех пор, пока голос Выдры не вывел нас из анабиоза.

– Коля, все, – с плаксивым негодованием сообщила она. – Закончились все размеры! День просто потеряян!

Коля очнулся, вздрогнул и шарахнулся от меня, как от чумы. Взгляд его потух и стал бегающим, трусливым.

«Предатель», – подумала я.

Решительно вырвав у Коли свою коробку, я устремила к выходу.

Выдра была безутешна.

Ха! Из всех приключений ее расстроило только то, что закончились размеры и закрылся универмаг.

Остальное, видимо, Выдру устраивало: словно я и не занималась прополкой ее «кудрей».

Кажется, такие потасовки в ее жизни обыденное явление. Тогда ясно, почему у нее вместо волос ужасные перья.

Я обиделась на судьбу окончательно. Спотыкаясь на каждой ступеньке, ругала и Выдру, и ее ренегата-муженька, и весь муравейник: нашу Галактику, нашу планету, нашу страну, наш город, Гостиный Двор...

Глава 2

Домой я пошла пешком, потому что плакала горько-горько и остановиться никак не могла. Не хотелось спускаться в метро, привлекая к себе внимание.

Долго шла – прохожие слез моих не замечали. Лишь один бомж-алкоголик обратил внимание и, жалея меня: «Красавица, ты не плачь», – протянул грязный пакет. Я зачем-то взяла его и завернула с подарком в сквер.

В сквере выяснилось, чем одарил меня бомж: в пакете лежала «закуска» – кусочек колбасы и плавленый сырок, изрядно помятый.

«Вот чего я стою!» – пуще прежнего зарыдала я и потопала дальше.

Не помню, как добрела до родного дома. В свой двор я вошла, держа в одной руке коробку, а в другой сиротский кусочек колбасы и помятый сырок.

Нет худа без добра: заодно выяснилось, что от моего дома до Невского два часа плетущимся шагом с посиделками на скамейке. Об этом бодро сообщил голос диктора, раздавшийся из раскрытого на первом этаже окна. «В Петербурге двадцать три часа», – сказал он, и я вошла в свой подъезд, подумав: «А на часах у Гостиного было девять вечера, когда я убегала от Выдры и Коли».

Лифт уже не работал, и на девятый этаж пришлось топать пешком. У двери своей квартиры я вспомнила про ключ и только собралась полезть в коробку за сумочкой, как в подъезде погас свет. Я немедленно заинтересовалась маленьким лучиком, пробивающимся из моей квартиры.

«Странно, – удивилась я, – три месяца назад мой бывший муж совершил легендарный подвиг: по всему периметру дверного проема старательно набил толстый слой поролона. Все друзья и соседи до сих пор поражаются, как мне удалось заставить его утрудиться. (Может, поэтому он и сбежал?) Откуда же лучик? Неужели опять забыла закрыть дверь на ключ?»

Вывод напрашивался сам собой: пора ставить самозакрывающийся английский замок, иначе воры рано или поздно проникнут в мою квартиру – будет обидно, что совсем беспрепятственно.

Но если я поставлю самозакрывающийся английский замок, тогда (при моей забывчивости) в квартиру не всегда беспрепятственно смогу попасть я. А воры, если сильно захотят, попадут куда угодно.

И снова сам собой напрашивался вывод: не стоит ставить английский замок.

С этой философской мыслью я толкнула дверь и вошла в прихожую. Поскольку выяснилось, что квартира была доступна вору весь день, то первым делом я рванула в спальню – посмотреть, висит ли еще на вешалке в шкафу лисья шуба (хоть и затертая, но все же моя).

Убедившись, что шуба висит, я успокоилась и вернулась в прихожую. Размышляя, как бы приучить себя хоть изредка закрывать дверь на ключ, я машинально нащупывала ногой комнатные тапочки, стоящие под телефонной тумбочкой.

Когда с пятого раза этого сделать не удалось, я рассердилась. Как же так?! Этот несложный процесс происходил у меня на протяжении многих лет с неизменным успехом, и вот нате вам, здрасте: уже не могу с ходу в свои «шлепки» попасть.

Не желая мириться с очередным поражением, я упрямо продолжала елозить ногой под тумбочкой, порвала чулок, вытерла пыль, но так и не ощутила привычного тепла своего козла.

«Шлепки» мои были пошиты из козлиного меха и украшены белыми пушистыми помпончиками, но все это в прошлом. Теперь они засаленные и облезлые, но по-прежнему любимые – ведь я однолюбка.

Ха! Да-да! Дай мне хоть один из мужей мизерную возможность его любить, и я была бы верна этому гаду до гроба. Впрочем, верна я была и без этой возможности.

Не за это ли мои мужья меня сами бросали?

Ох, что о том!

«Шлепок» я так и не нашла. В конце концов я вынуждена была наклониться и заглянуть под телефонную тумбочку.

«О боже!»

Сердце мое оборвалось. Под тумбочкой было пусто. Пусто совсем. Даже не было пыли. Только четыре ножки на полу, благодаря которым тумбочка и стояла. И все! Никаких тапочек. Случай невиданный, потрясший меня невероятно. А ведь я точно помнила, как перед выходом из дома по обычаю оставила тапки там.

«На протяжении многих лет каждодневно мои шлепанцы дожидались меня под этой тумбочкой, – в страшной растерянности размышляла я. – Воры? Но лисья шуба на месте. Куда же тогда делись тапочки?»

Не найдя ответа на заурядный вопрос, я посмотрела на коробку, брошенную прямо на пол. Я сделала над собой усилие и решила коробку не раскрывать.

Я сказала себе: «Покупки потом. Сначала переоденусь в домашний халат, поужинаю колбасой и сырком (хотелось сделать приятное доброму бомжу), после чего лягу спать. А вот завтра...

Начинать новую жизнь надо только с приятного».

Я поплелась за халатом. Каково же было мое удивление, когда не обнаружила я и халата.

«Ну, это уж слишком, – возмутилась я. – Разрази меня гром, если не лежал он там, где я обычно второпях оставляю его, то есть между стиральной машинкой и полочкой для белья в ванной комнате».

Я обшарила чулан, прихожую, ванную, кухню и даже туалет.

Уже без всякой надежды прошлась по спальне и даже заглянула в гостиную, куда, учитывая мои привычки, халат мог попасть только вместе со мной.

Поиски не увенчались успехом. Прихватив колбасу и плавленый сырок (продолжало хотеться сделать приятное бомжу), я в серьезной задумчивости поплелась на кухню. Ела без аппетита, напряженно гадая, куда же делись родные предметы.

«Вот беда, – не переставала удивляться я, – как пусто и одиноко вдруг стало. Кто бы мог подумать, что такая мелочь может вывести из равновесия человека. Да, мужчины в мой дом приходят и уходят, а халат и тапочки остаются», – мудро заключила я, горько сожалея о пропаже последних.

И тут меня осенило: уж не муж ли решил гнусно мне отомстить?

Но, поразмыслив, я осознала, что с этой версией придется расстаться.

Во-первых, обвинять его в такой жестокости явных причин не было.

А во-вторых, ключ от входной двери я отобрала у него в тот же миг, как поняла, что журнальный столик наших соседей мне родней и дороже, чем собственный муж.

А поняла я это тогда, когда он целых три ночи провел вне нашего дома.

Знаю, российские женщины будут меня ругать за поспешность, но мужа я из дому не выгоняла – лишь ключ у него отобрала.

«Зачем же мужу ехать ко мне без ключа? – размышляла я. – А рассчитывать на то, что я, как обычно, дверь не закрою, муж мой не мог. Я (как любая разумная женщина) не афишировала свои недостатки, упирая в семейной жизни в основном на достоинства, коих у меня (как у любой разумной женщины) не перечесать».

Изрядно утомившись от бесплодных размышлений, я дожевала колбасу с сырком (все же сделала приятное бомжу) и отправилась спать. В спальне повалилась на кровать прямо в одежде, решив, что раз нет тапочек с халатом, так нечего и раздеваться. Но сколько я ни ворочалась, сон не шел.

– Нет, это черт знает что такое! – в конце концов возмутилась я, вскакивая с кровати. – Черная дыра это или квартира?! Куда мог пропасть мой халат? А тапочки? Куда исчезли мои козловые тапочки? Нет, не усну, пока не найду!

Знай я, что когда найду, так и вовсе не усну, может, не стала бы носиться по дому, а спокойно сомкнула вежды. Но я ни о чем таком жутком не подозревала, а потому вновь, на сей раз методично, шаг за шагом принялась осматривать все углы и закоулки своей большой квартиры. Прихожая, кухня, ванная, туалет, спальня, чулан, зеленая комната (явно лишняя и названная по цвету обоев), зал (вот уж куда я никогда не захожу!), балкон...

Так я добралась до гостиной. Обследовав тумбочку с телевизором (фигня, наш «Горизонт»), горку с хрусталем (так себе, совсем немного Богемии), шкаф с книгами (о-о, пять погонных метров прекрасного переплета!), я даже заглянула за кадку с цветком. Там было пусто. Не отрывая взгляда от пола, я устремилась к дивану.

Диван – моя гордость!

Девятнадцатый век. Обтянутый новеньким югославским велюром – ох, бешеные деньги! Перетяжчик подлец, да и реставратор мошенник, ворюга, скандалист почище последнего мужа...

Да, о чем это я, так вот, под диваном тапочек не оказалось, впрочем, как и халата. Пошарив для верности под днищем, я извлекла такой слой пыли, что не удержалась от амбициозных мыслей о Книге рекордов Гиннесса.

Но тапочек и под диваном я не нашла. Вздыхая, собралась было подняться с колен и... обмерла.

Глава 3

Крик застрял в моем горле, кровь запульсировала в висках, сердце бешено заколотилось. То, что я увидела, не было подвластно разуму.

Это было невероятно!

Потрясающе!

Невообразимо!

Фантастично!

Но зато стало ясно, куда делись мои тапочки и халат: они были на мне! Да, да, именно на мне, потому что на диване лежала я!

На диване лежала я!

Я здорово испугалась, особенно в первую секунду.

Да и как тут не испугаться, когда в моей гостиной на моем диване в двенадцать часов ночи лежит кто-то посторонний. Я же не сразу поняла, что эта золотоволосая симпатяга, распластавшаяся в непринужденной позе, и есть именно я – так сказочно прекрасна она была с плотно закрытым ртом.

Лишь из скромности я не сразу сходство признала. Однако, обнаружив на ее ногах мои тапочки, я вмиг отбросила все сомнения.

А когда увидела на красавице и мой халат, тут уж крепко призадумалась: а кто же та женщина с бледным усталым некрасивым лицом, пристально вперившая в меня угрюмый свой взгляд из зеркала, висящего над диваном? Неужели тоже я?

Разум ответил: «Ну да, а кто же еще? Я, безмятежно спящая на диване, конечно, гораздо свежей, но это и неудивительно. Лежать на диване – не одно и то же, что разводиться с мужем, давиться по очередям и безоружными руками вправлять мозги скандальным выдрам».

Что-то ухнуло у меня внутри, оборвав степенный ход мыслей. словно огненный шар пронесся в воздухе, опалив и грудь, и лицо.

«Фу ты, боже! О чем это я! Как могу я одновременно сидеть на полу и лежать на диване? Не лучше ли ущипнуть себя, как положено в таких случаях? Может, я сплю и вижу сон?»

Сдуру и ущипнула. Должна сказать – зверски. Проснулся бы и мертвец, но я не проснулась.

Убедившись, что это не сон, я насторожилась: уж не раздвоение ли личности произошло у меня на почве потрясения, полученного в процессе общения с Выдрой?

Но, вспомнив, как лихо оттаскала беднягу за перья, я справедливо подумала, что раздвоением личности должна бы страдать она – у нее больше для этого оснований.

Я из последних сил старалась постичь непостижимое: я, вытаращив глаза, сидела на полу перед диваном, и я же, только с закрытыми глазами, лежала на диване.

Любой растеряется.

Здесь не могу удержаться от похвалы в свой адрес. Несмотря на неординарность ситуации, к тому, что нас двое, я привыкла довольно быстро. Уже через пять минут, с любопытством приблизившись к спящей красавице, стоя на четвереньках и затаив дыхание, я во все глаза рассматривала ее.

Да и неудивительно – не так часто выпадает случай взглянуть на себя со стороны.

Признаюсь честно: получила некоторое удовольствие. Боже, до чего же я хороша! Теперь понимаю бедных мужчин, которые цепенеют в моем присутствии.

Судите сами: ноги, как и положено, длинные, стройные; руки с тонкими нервными пальцами; шея... само собой, лебединая. Лицо!!! Словами не выразить. Нос, губы, глаза... Да что там говорить. Красавица и все тут! Одни только волосы чего стоят! Волосы!

Даже у меня захватывает дух, глядя на них. Про себя я помолчала бы, но про ту, что на моем диване лежит, скажу: волосы – главная моя гордость. Ох, не знаю, как и рассказать. Здесь без поэзии не обойтись. Ну, примерно так: струящийся золотой поток...

И вдруг меня словно током прошило.

«Стоп!»

Я похолодела в предчувствии беды. Слипшаяся прядь показалась мне подозрительной. Присмотревшись, я в ужасе отшатнулась. У виска спящей красавицы темнело пятно, слишком сильно похожее на запекшуюся кровь. Схватив девицу за плечи, я приподняла ее с дивана и (о боже!) увидела на сером велюре загустевшую кровь.

«Да жива ли я?»

Принялась щупать бесчувственное тело, прикладывала свое ухо то к груди, то к животу двойника. Сердце молчало. Пульса не было. Это говорило о том, что в руках у меня труп. Догадка медленно входила в меня.

«Я умерла?.. Я? Умерла?» – с безграничным удивлением бубнила я себе под нос, нервно и зябко потирая ладонями плечи.

Комната окрашивалась густым ужасом, источаемым мною.

«Боже, я умерла!!!» – вдруг взорвалось в моей голове.

Неведомая сила смела меня и, наполняя комнату душераздирающим криком, вышвырнула из квартиры вон, с громким топотом покатила по ступеням. Неизвестно как я оказалась внизу у подъезда и понеслась прочь, подальше от страшного места.

Я летела по ночному городу, рыдая, всхлипывая и глотая слезы. Я искренне оплакивала себя, неистово содрогалась от жалости. «Умерла! Умерла!» Эта мысль не помещалась в моей голове, но лезла туда нахально, вытесняя все умное, правильное и полезное. Я боялась страданий, но страдала, страдала, неукротимо вымывая страдания солеными потоками слез и жадно вбирая в себя новые, еще более мучительные.

«Господи! – с чувством вопрошала я. – Господи, ну почему ты ко мне так жесток? Почему именно я должна покинуть мир в полном расцвете...»

В расцвете чего, выразить господу я не смогла – слишком строго меня воспитали. На кончике языка крутилось слово «красы». По заблуждению и под влиянием подруг я претендовала всего лишь на то, что я симпатичная. И вдруг узнала: красавица!

И именно теперь, когда я смогла оценить свои внешние данные со стороны, приходится умирать!

Мне было больно осознавать, что все это, лежащее на диване, должно безвозвратно истлеть. Но поднимать эту тему в беседе с господом мне показалось нескромным.

Так, обливаясь слезами, испытывая душевные муки и беседуя с господом, я пробежала несколько кварталов.

Чем дальше я оказывалась от дома, тем возмутительней мне представлялась создавшаяся ситуация, тем меньше хотелось верить в ее реальность.

К тому же не давало покоя пятно крови на серебристом велюре – о, с каким трудом я велюр этот доставала!

Безобразие!

И я вдобавок мертва!

Вдруг меня осенило: «Я же бегу! Значит, жива!»

Но, с другой стороны, как не верить своим глазам: лежала же на диване, в своем халате и тапочках!

«Нет, что-то здесь не так!» – в конце концов подумала я и, трезвея, повернула к дому с твердым намерением докопаться до истины.

Уже подходя к подъезду, я наткнулась на гуляку-соседа. Он нехотя возвращался к своей самодуре-жене. Чтобы оттянуть возврат в дом, сосед начал делать мне комплименты: «Как вы молодо выглядите!»

Возмутительно! Будто мне сорок, а не двадцать пять! Вот что сделал со мной этот муж! Все мужья!

Злость вернула меня к действительности. Я как-то сразу почувствовала себя живой.

Глава 4

В квартиру я (как обычно) попала, толкнув дверь ногой. Нет, вру: на этот раз дверь была распахнута настежь. Лишь девятый этаж да позднее время уберегли меня от потери моей лисьей шубы.

В гостиную вошла почему-то на цыпочках, словно опасаясь разбудить свой труп. Теперь я решила не увлекаться самолюбованием, а еще раз удостовериться, так ли поразительно сходство между трупом и мной.

Занятие, согласитесь, привычное. Не этим ли, вернувшись с работы, занимаются все женщины, сидя в спальне у зеркала?

Но вернемся к происходящему. Тщательные исследования трупа показали: да, никаких сомнений – женщина, лежащая на диване, и есть именно я. Все говорило об этом: и грудь, и бедра, и талия, и даже родинка на золотистом лобке – уж простите меня за подробности, но все ради дела.

И тапочки!

И халат!

Халат и тапочки сильнее всего меня убедили. В размышлениях на тему: где я, а где не я, – халат и тапочки были весомейшим аргументом против девушки с усталым лицом, хмурившейся из зеркала. Халат и тапочки явно говорили о том, что труп – это я, хозяйка квартиры.

«Значит, я здесь никто, – с одинокой тоской подумала я, – и хозяйка квартиры эта, лежащая на диване в моих тапочках и халате».

Тут повой мыслью ошпарило: «Выходит, и лисья шуба теперь не моя!»

Пережить это открытие мне помогла кровь, обнаруженная на ковре. Вот что отвлекло меня от смертельных переживаний и озадачило.

«Кровь, видимо, стекала в щель между подлокотником и диванными подушками, – принялась гадать я. – Безобразие, и все на антикварный диван. Но как много, оказывается, еще осталось крови во мне. А я-то думала, что подлец муж выпил всю. Да, много, но лишь в том случае, если на диване я. А если не я, тогда сколько же крови осталось во мне?»

Это отрезвило меня, пришлось возмутиться: «Нет, я неисправима! Здесь лежит мертвая девица, ковер и диван безнадежно испорчены, а я ломаю голову над чепухой: я это или не я. Если учесть, что меня приговорят к смертной казни за убийство меня же самой, то какая разница, кто из нас кто? И кто из нас умер первым, тоже разницы нет. Тьфу ты, путаница какая! Это непостижимо!»

Мысль о смертной казни не показалась мне преувеличением, хоть смертную казнь и отменили. Невезучесть моя такова, что казнь эту сразу введут, как только возникнет необходимость меня к ней приговорить.

И что я делаю дальше?

Ужас!

Рассудительность – не самое лучшее мое качество, но почему разум окончательно покинул меня, до сих пор понять не могу. Я позвонила в милицию. Как последняя дура, подняла трубку, набрала 02 и на одном дыхании выпалила:

– Срочно приезжайте! Я только что обнаружила собственный труп!

– Где вы его обнаружили? – флегматично поинтересовались на том конце провода, чавкая и прихлебывая.

– Как где? В своей квартире, естественно.

– Вам это кажется естественным?

– Простите, не поняла вопроса. Или вы не совсем поняли. На всякий случай повторяю: я обнаружила собственный труп! Понимаете?

– Понимаю.

– Труп! Собственный!

– И как он выглядит? – жуя, чавкая и смачно прихлебывая, невозмутимо продолжали интересоваться на том конце провода.

– Восхитительно! – с гордостью сообщила я.

– Блондинка или брюнетка?

– Золотистая блондинка с карими глазами.

– Редкое сочетание, – слегка оживившись, отметил голос и громко сглотнул. – Натуральная?

– Да уж некрашенная.

– А в каком состоянии все остальное?

– В ошеломляющем. Тонкая талия, высокая грудь, крутые бедра... В наличии все, что привлекает мужчин, – заверила я, решив, что не стоит отпугивать работников милиции зловещными рассказами о лужах крови. – Приезжайте поскорей, не пожалеете, – многообещающе заключила я.

Наступила короткая пауза, после чего полный сожаления голос изрек:

– Жаль, я на дежурстве. Оставь мне свой номерок, а я потом звякну.

– Ты не понял, осел! Какой номерок? Куда звякну? Я труп! Молодой и красивый, но труп!

Он вдруг разъярился:

– Да понял я все, алкоголичка! Опохмелись и сиди смирно, пока я оперов к тебе не прислал.

По раздавшимся в трубке коротким гудкам я догадалась, что разговор окончен. И только тогда осознала, каких глупостей чуть не натворила.

«Еще повезло, что мент попался нормальный, – ощущая шевеление волос на своей голове, подумала я. – Окажись на его месте добросовестный импотент – и пиши пропало. Тот, минуя половые признаки трупа, сразу начал бы с адреса и лужи крови. Нет, все же хорошо, что в нашей милиции служат настоящие мужчины: пьяницы, обжоры, бабники и лентяи», – порадовалась я.

Сообразив, что с «внутренними органами» лучше не связываться, я решила пуститься в бег.

Рассуждала я так: «Если не имею никакого отношения к своему трупу, значит, моя непричастность рано или поздно обнаружится. Будет лучше и удобней, если это произойдет в мое отсутствие. Отправлюсь на Черное море. Правда, бархатный сезон на исходе, но долго нежиться на песочке мне не придется. Если верить министру внутренних дел, его внутренние органы отлично работают. Значит, убийцу трупа быстро найдут и я скоро вернусь в Питер».

Окрыленная таким решением, я вытащила из чулана чемодан и, натолкав в него всего понемногу, выбежала в прихожую. И споткнулась там о коробку.

«А документы! – осенило меня. – Куда я без паспорта? Мой разведенный паспорт в коробке! Там же (и очень кстати) приобретенный в Гостином Дворе купальник. Дезодоранты тоже мне пригодятся», – размышляла я, уже торопливо развязывая шпагат.

Когда крышка коробки была открыта, я поняла, что мои неприятности лишь начинаются, что в ближайшие минуты не стоит ждать счастья от жизни, что от меня отвернулась фортуна, что...

Короче, я ахнула во все свое горло, закаленное в битвах с соседями и мужьями. И как тут не ахнуть? По части купальника, дезодорантов, босоножек на гвоздиках и даже бюстгалтера десятого размера коробка была абсолютно пуста. Зато не пуста она была по части сатиновых семейных трусов, дешевых хлопчатобумажных носков и мужских полусапожек сорок пятого размера.

Да! Там еще были ужасные туфли, которых не пожелаешь даже покойнику.

Сидя на полу, я завопила:

– Этот Коля кретин! Он унес мою дорогую, напичканную приличным товаром коробку, оставив взамен свою, с каким-то грошовым солдатским набором!

Брезгливо пнув коробку ногой, я возмущенно спросила у стен и потолка:

– Ну что я стану делать с этими кирзовыми сапогами? А трусы? Моя бабуля видела такие на советских прилавках, но я даже не подозревала, что их еще кто-то носит. Ну, Выдра! Ну, Коля!

Я возмущалась, но стены и потолок молчали. Отчаявшись, я долго сидела на полу и тупо смотрела на хлопчатобумажные носки, украшающие дно коробки. Вдруг я заметила, что из-под носков выглядывает какой-то предмет, очень похожий на бумажник. Как обращаться с мужскими бумажниками, я знала не понаслышке, а потому мгновенно выпотрошила его, к своей радости обнаружив довольно крупную сумму: целых пятьсот рублей.

Я женщина бедная и постоянно нуждаюсь.

«Ха, – злорадно подумала я, – этот кретин спрятал от своей Выдры заначку в коробке из-под сапог. Ну, ума палата! Значит, на карманы он уже не надеется. Да и понятно, Выдра, небось, их безбожно шмонает. Но мне ли ее осуждать?» – решила я проявить великодушие.

Раза три пересчитав деньги и окончательно убедившись, что не ошиблась – пятьсот, десятка в десятку, – я заинтересовалась их происхождением.

«Откуда у мужа Выдры такие крутые заначки? Небось целый год собирал, экономил на пиве. Слава богу, хоть в чем-то мне повезло.

А он не простой, каким кажется с первого взгляда. Хотя о чем это я? Где сейчас в нашей стране можно найти простого мужчину? Российская жизнь кого хочешь сделает сложным, испортит любого. Существовать на одну зарплату безнравственно и вредно, а воровать разрешили лишь бандитам и олигархам. Впрочем, это одно и то же.

Но зачем Коле такие деньжищи? Наверняка он их глупо потратит».

С этой приятной мыслью я решила заначку присвоить, но тут же была смущена новой проблемой: как завладеть своей законной коробкой, полной совершенно необходимых предметов.

Я женщина бедная и постоянно нуждаюсь. С утратой коробки мои взгляды на жизнь резко переменились. Даже бесполезный бюстгальтер десятого номера, купленный из-за смешной пены, теперь мне нужен был позарез.

Да, забыла сказать, что в бумажнике Коли я нашла записную книжку и тут же, не вставая с пола, с неослабевающим интересом от корки до корки ее прочла. В самом конце обнаружилась просьба вернуть книжку владельцу. Ниже указывались адрес, имя, фамилия.

«Так мы соседи!»

Подивившись наивности владельца, я с презрением отбросила книжку в сторону, но тут же снова ее схватила.

«Зачем уезжать из Питера, когда у меня есть алиби, – нежно прижимая к груди записную книжку, озарилась я мыслью. – Выдра вряд ли, а вот Коля любому охотно вынужден будет признаться, что я лупила его жену до самого закрытия универсама. У меня есть надежда избежать смертной казни. Время детское – всего час ночи. – Так что мой визит к Выдре и Коле не будет вершиной хамства».

Морской песок не манил. Я, коренная петербурженка, покидаю родной город лишь в случае крайней необходимости, и то неохотно, поэтому я тут же уцепилась за возможность остаться.

Побросав в коробку туфли, трусы, носки, сапоги, я (на секунду задумавшись) отправила туда и бумажник. Правда, без пятисот рублей. Я женщина бедная и постоянно нуждаюсь.

«Вряд ли Коля поднимет вопрос о деньгах в присутствии своей выдры-жены, – мудро рассудила я. – А когда появится алиби, мне будет не до мелочей».

Глава 5

На улице мне стало опять нестерпимо жалко себя, ту, одиноко лежащую на диване.

«Вот, иду по городу, зная, что умерла, и нет на земле человека несчастнее», – я безудержно обливалась слезами.

Так, в жутких переживаниях, прижимая к себе коробку, добрела до нужной улицы, без всякого труда нашла нужный подъезд, поднялась на нужный этаж, энергично нажала кнопку звонка и замерла в ожидании...

«Неужели спят? И это в час ночи!» – сердито подумала я и яростно нажала на кнопку опять.

– Да иду, иду, – раздался раздраженный мужской голос из-за двери. – Что за мода трезвонить. Ключи надо брать.

Приятнейше я изумилась: «Вот так номер! Неужели это он, наш скромный, наш кроткий Коля? Кто бы мог подумать, что Выдра прощает ему подобные грубости. Даже с моим ангельским нравом невозможно снести такой неприветливый тон. Ах, как несправедлива была я к бедняжке Выдре. Ее скандальным привычкам есть оправдание: жизнь с Колей не так уж безоблачна и мила. Правильно говорят: в тихом омуте черти водятся. Бедная Выдра, несчастная Выдра. Теперь ясно, кто портит ее характер».

Тем временем дверь распахнулась, и на пороге вырос он, Коля, красавчик.

Меня передернуло от брезгливости. Домашний Коля – жалкое зрелище! Ни следа прежних лоска и элегантности. Стоптаные шлепанцы (кстати, еще старше моих), пузыри на коленях спортивных штанов, цвета детской неожиданности короткая майка «Динамо», из-под которой выглядывает волосатый пупок – вот они, символы семейного мужчины в интерьере.

Да, забыла о главном: перекошенная презрительной злобой физиономия. Правда, увидев меня, Коля резко сменил гнев на милость. Его лицо озарилось голливудской улыбкой героя-любовника с повадками супермена. (Кстати, очень даже по-идиотски это у него получилось, но надо учитывать обстановку. Мало кому удалось бы выглядеть суперменом, стоя в спортивных штанах с пузырями и признаками яичницы на облезлых шлепанцах.) – Вы! – тем не менее воскликнул он с радостью, присущей всем мужчинам при встрече со мной. (Этой радости они не лишаются и при расставании.) – Я, – нехотя призналась я, слегка струхнув перед встречей с Выдрой.

Во-первых, я никогда не стремилась к боевым действиям на территории врага, а во-вторых, теперь, когда моя жизнь оказалась в руках несчастной Выдры, я уже искренне сожалела о драке в Гостином Дворе.

А Коля из последних сил старался соответствовать своей голливудской улыбке. Излучая безграничную радость, небрежным жестом парня крутого и знающего выход из любой ситуации, он попытался натащить «Динамо» на волосатый пупок. Майка послушно вытянулась и мгновенно заняла прежнее положение (чуть ниже сосков). После этого Коля отступил назад, приглашая меня войти.

– Надо же! – искренне удивился он. – Неужели такое возможно?

– Как видите, возможно, – произнесла я и отвернулась.

Я так поступила, чтобы не слишком обнаруживать свое разочарование, ведь расположение Коли (что особенно неприятно) было мне дорого и необходимо.

– Надо же, как же такое возможно? – не переставал удивляться он, бесчеловечно шаркая шлепанцами и мученически вбирая в себя пупок.

Мне приспичило немедленно сказать ему гадость, но воспоминание о выпотрошенном бумажнике настроило на нужный лад. Захотелось быть великодушной. Теперь я мужественно старалась не замечать его экзерсисов с пупком, но страдала и отводила взгляд.

– Только что думал о вас, вспоминал, и вот вы здесь, – не унимался Коля, открывая мою коробку, лежащую в прихожей на тумбочке. – Гляньте, все тут.

Похоже, он не солгал. Я схватила сумочку с документами и ключами, а остальное стыдливо прикрыла крышкой. Коробку же Коли (по неясной причине) держала под мышкой, не спеша с ней расставаться.

Коля зачем-то сказал:

– Выглядите отлично.

И пошел говорить, говорить: немного комплиментов, а в основном причитал. По его смелому поведению я сразу определила, что мы одни.

«Значит, я не ошиблась, – размышляла я, – Выдры нет дома, и сентенция о ключах адресовалась именно ей. Нет, что ни говори, все мужики хамы, притворщики и лгуны. Все как один. И наш с Выдрой Коля не исключение. К тому же он слишком многословен, чтобы надолго удерживать мое внимание. Я, как разумная женщина, качество и количество ума мужчины определяю его способностью молчать и слушать».

Коля, сообразив, что раздражает меня тем, что я не хуже него умею (своими причитаниями), мгновенно учуял мои страдания и уставился на меня с ожиданием.

Ничто так не украшает мужчину, как выражение тупости на лице. Это значит: он парализован и стопроцентно готов для поглощения. В таких случаях я не заставляю долго ждать, а тут же перехожу в наступление, обрушивая на жертву шквальный огонь своего очарования. Героически игнорируя пузыри, шлепанцы и даже пупок, я смело посмотрела в его глаза и... тут же потонула в их синей бездонности.

Нет, эти глаза не сулили мне лисьей шубы, «Роллс-Ройса», Лазурного берега и пятизвездочного отеля. Пожалуй, даже «Диор» от «Кардена» вряд ли могли отличить эти глаза, но они так непритворно, так трогательно предлагали мне своего хозяина: возьми, он твой, весь, без остатка, возьми и делай с ним что хочешь...

Я мгновенно забыла, кто его жена (Выдра!). Я забыла даже о шлепанцах, пупке и пузырях! А вот он не забыл, потому что смутился, в ласковом синем омуте колыхнулся испуг – Коля кивнул в сторону когда-то белой двери, сказал мне как самому родному человеку: «На кухне есть кофе», – и исчез.

Обезоруженная, лишенная сил и разума, я поплелась к когда-то белой двери, внутренне повторяя: «Вот оно, вот!»

Слезы радостного волнения окропили мои ресницы – я вполне была влюблена на всю жизнь.

На кухне некогда было думать о кофе. Много проблем занимало меня, и одна серьезней другой. Все ли еще проживает на юбке жирное пятно от плавленого сырка, съеденного на ужин? Заметно ли на блузке отсутствие пуговицы, потерянной в потасовке с Выдрой? Выгодно ли растрепались волосы на голове? Куда положить коробку с трусами, которую мне изрядно надоело держать в руках? Кроме того, мучила настоятельная потребность немедленно посмотреть в зеркало. Потребность эта возникла сразу же, едва мы с Колей разлепились взглядами.

«Как живет эта Выдра? – возмущалась я, рыская глазами по стенам и полкам. – Ни одного зеркального осколка, не говоря уже о приличном трюмо. Хотя зачем ей это? Чтобы только расстраиваться?»

Не буду хвастаться, но я все же нашла остроумный выход. Стоящий на плите кофейник был так надраен, что сверкал своими боками (браво, Выдра!). Он мог запросто послужить зеркалом. Бросив коробку на пол, я изогнулась перед кофейником, пытаюсь выяснить, так ли свежа и хороша, как требуют обстоятельства. За этим занятием и застал меня Коля. С вытянутой вперед физиономией и оттопыренным задом я вряд ли была привлекательна, но он нашел, чем залюбоваться.

«Полагаю, румянец украсит меня», – мысленно отметила я, изображая кроткое смущение и обильно краснея. Еще с детства я научилась вспыхивать, когда это нужно.

Коля растроганно прошептал:

– Вы очаровательны.

– А вы очень добры, – ответила я, ногой задвигая коробку под стол.

(Опознание дешевых трусов и носков могло отрицательно повлиять на романтическое нарастание будущих отношений.) – Надеюсь, вы нечасто говорите такое женщинам, – скромно пискнула я.

Он заверил:

– Впервые.

Я зашла от сочувствия: «Впервые делает комплимент? Бедная Выдра! Как ей удастся выживать в таких тяжелых условиях?»

– Кстати, где она? – осведомилась я вслух.

– Кто? – изумился Коля.

– Да ваша жена.

На лицо его набежала тень обыденности.

Коля вспомнил, что у него есть жена. Он сразу стал хмур и неинтересен даже в своем серебристом костюме, надетом для меня.

Я поняла, что совершила глупость, разрушив волшебство ощущений неуместным вопросом. Вернувшись в рутину жизни, (с женой, майкой «Динамо» и пузырями на коленях), Коля вдруг обнаружил себя стоящим на кухне в парадно-выходном костюме и лакированных туфлях. Он очнулся и порядком струхнул.

Глава 6

Коля струхнул, а потому повел себя поразительно смело. Он небрежно махнул рукой и воскликнул:

– А ну ее, эту мегеру!

Я всегда говорила: все отважные поступки мужчины совершают из трусости.

Но как бы там ни было, поступок совершен и мною оценен.

Более того, высказывание Коли понравилось мне настолько, что я тут же собралась много чего добавить и от себя, но вовремя вспомнила: очаровательной незнакомке очень пойдет великодушие. А потому ограничилась коротенькой фразой.

– Не хотелось бы настраивать вас против вашей жены, тем более что она очень милая женщина, – вкрадчиво прошептала я, выразительно закатывая глаза и укоризненно подергивая плечами.

Успех превзошел ожидания. Я сразила Коленку наповал, довела его до истерики.

– Милая женщина?! – возопил он. – И это говорите вы, пострадавшая от ее грубости?

Я скромно улыбнулась, подумав: «Конечно, ведь это я таскала ее за волосы».

– Вы ангел, настоящий ангел! – громко восхищался Коля.

«Естественно, ведь это я намяла ей бока», – внутренне давала я пояснения.

– Как хорошо, что я вас встретил, – заключил Коля и направился к кофейнику.

Дальше все происходило как во сне. Коля налил кофе, разбавил его ликером, после чего мы принялись пить только ликер.

Коля взял мои руки в свои, согрел их мужским теплом и говорил, говорил...

Я забыла, зачем пришла. Синева и бездонность его пронизательных глаз не обманули. Он многое во мне рассмотрел. Зачарованно слушала я о своих стройных ногах, золотых волосах, кротких манерах...

Слушала, проваливаясь в ласковый омут, и...

Наконец, поняла, за какой из четырех стен прозаической кухни находится волшебная спальня.

Чем больше Коля говорил, тем отчетливей я это понимала. Я понимала это, несмотря на то, что ни о чем таком, имеющем отношение к спальне, Коля не говорил. Он лишь восхищался и признавался в любви, но при этом так выразительно смотрел на одну и ту же стену, что я как опытная девушка сообразила: спальня именно там.

И сильно задумалась.

Немедленно ответить на его возрастающие чувства не позволяли мне всего две причины: малое количество ликера и Выдра. Я не знала, придет ли она, а если придет, то когда.

А Коля, все чаще и чаще поглядывая на стену, с жаром твердил о любви.

«Нет, все же придется ограничиться разговорней, – твердо решила я, чувствуя, что вот-вот, поправ все манеры, брошусь на эту стену. – Отказ, безусловный отказ, скажу твердое „нет“, и дело с концом».

Но вторая бутылка ликера водрузилась на стол, и Колины речи уже как-то настроили меня против отказа. Теперь я лишь выжидала подходящий момент, млея, блаженствуя и растворяясь в синей бездонности...

Пребывать в блаженстве долго редко кому удается, мне тоже не удалось. Произошло все мгновенно: еще улыбка не покинула моего лица, а слезы уже сами вытекали из глаз, и мой страшный вопль оглушил мои же бедные уши. Все это случилось в тот самый миг, когда я случайно заметила Выдру. Она выросла на пороге кухни внезапно.

Ее приход резко изменил ситуацию: ни минуты не раздумывая, я приняла неприступный вид, точнее, вынуждена была принять.

Коля, сидящий к двери спиной и не подозревающий об опасности, с ужасом уставился на меня. Бестолково соображая, что именно привело меня в столь жалкое состояние, он струхнул – я же (восхищаясь своими способностями) орала как резаная, не забывая обильно поливать свои щеки слезами.

Психическая атака подействовала. Потрясенная Выдра застыла на пороге без признаков жизни. Похоже, я даже переборщила: уж лучше бы она подала голос, пока я свой не сорвала.

«Долго так не продержаться, – не прекращая орать, подумала я. – Да и Коля не видит жену. Вот-вот он придет в себя и бросится меня успокаивать. Вдруг Выдре покажется, что он делает это нежно? Тогда не видать мне алиби! Пора срочно заметить Выдру».

Я повернула заплаканное лицо к порогу, подняла глаза, выше, еще выше, вздрогнула, отшатнулась, прижала руки к груди, вскочила, охнула, резво порхнула к Выдре и зарылась у нее на груди.

Должна сказать, что это было совсем не легко: Выдра была значительно ниже меня и груди почти не имела. Но выхода не было: пришлось натурально забиться в рыданиях. А она машинально гладила меня по спине. О лучшем я и мечтать не могла.

И Коля заметил свою жену. Я поняла это по его глупым словам.

– В толк не возьму, в толк не возьму, – растерянно повторял он, пока я добросовестно поливала слезами плоскую грудь его Выдры.

Спрашивается, что он хотел взять в толк?

Впрочем, это неважно.

Когда я решила, что все отлично идет, мгновенно разнообразила репертуар. Теперь сквозь мой рев стали пробиваться слова: «Только вы, только вы, дорогая, спасете меня!»

Когда до Выдры дошел смысл моих слов (не слишком сообразительна жена Коли), она оторопело спросила:

– Что я могу для вас сделать?

Я покинула ее плоскую грудь и внятно произнесла:

– Вы – мое алиби.

Выдра и Коля уставились друг на друга с безмолвным вопросом.

Я их просветила:

– Да! Да!

Они онемели.

К тому времени я уже сидела за их столом. Они механически сели рядом. Я готова была к подробному изложению. По их распахнутым ртам я без труда поняла, что они тоже готовы.

Довольно толково объяснив суть проблемы, я дала им время усвоить сложную информацию: замолчала и занялась кофе с ликером. На усвоение ушло минуты три, после чего Выдра с жалостью на меня посмотрела и строго спросила:

– Когда вы были в последний раз у врача?

– Месяц назад у дантиста, – с присущей мне лаконичностью ответила я. – Надо сказать, что там испытала именно тот ужас, который охватил меня сегодня в гостинной. Правда, животный ужас, охвативший меня у дверей дантиста, объяснялся плохим предчувствием...

– Каким? – перебил меня Коля.

Пришлось коротко пояснить:

– Я женщина бедная и постоянно нуждаюсь. И предчувствие не обмануло, дантист как липку меня ободрал. А сегодня речь о жизни идет. У дантиста, правда, речь шла тоже о жизни. Это выяснилось после того, как мы с ним разговорились. Точнее, говорила я в основном, а он пытался вставлять ремарки и между прочим ковырялся в моих зубах. Закончилось все моим пустым кошельком и полным прозрением: доктор неопытен и наивен, поскольку из жизни знает только кое-что о моих зубах...

Заметив, что Выдра как-то подозрительно переглядывается с мужем, я прервала рассказ.

– И что же было дальше? – встрепенулся Коля и сделал значительное лицо.

– Вы мне не верите, – обиделась я, после чего вновь принялась рыдать и вопить, чем повергла супругов в паническое смятение.

Выдра сорвалась с места и с причитаниями «о боже, о боже» заметалась по кухне.

Не отставал от нее и Коля. Правда, он поминал не бога, а черта. Вскоре перед моим сопливым носом вырос стакан, а Коля и Выдра принялись заискивающе уговаривать меня сделать хотя бы глоток.

Я снизошла и, залпом опорожнив стакан (там была какая-то гадость), заорала о своих старых неприятностях с новой силой.

Наконец, доведенные до отчаяния воплями, супруги сдались. Я перестала орать и снова поведала им про свой труп, пригрозив, что повешусь.

Теперь они были согласны на что угодно, даже на то, чтобы стать соучастниками. Особенно расстроилась Выдра (чуткая женщина), она прижимала руки к сердцу и бормотала: «Что же делать, что же делать?»

Коля оказался более черствым. Он предложил вызвать милицию. Я не ожидала такого предательства. Это привело меня в чувство.

– Вы что, – возмутилась я, – меня же заметут на цугундер.

– А что это? – изумилась Выдра.

– Не знаю, – ответила я, – но в милиции, думаю, знают. Кстати, забыла сказать, что в милицию я сдуру уже звонила.

Мое сообщение Колю разволновало.

– И что вам сказали? – с тревогой спросил он.

– Посоветовали опохмелиться... Но как вы не поймете, я не пьяная и не полоумная. В моей гостиной действительно лежит мой труп... О господи, похожий на меня как две капли воды труп. Я до сих пор сама не знаю, где я, а где не я.

Последнюю фразу я произнесла с чувством, заламывая руки.

– Тогда что же делать? – бестолково поинтересовался Коля.

– Не знаю, но все же лучше будет, если в милицию пойдете вы и без меня.

– И что мы там скажем? – начала приходить в себя Выдра.

– Не знаю, но следует начать с трупа, а закончить нашей встречей в Гостином Дворе. Главное не забыть указать точное время, когда мы с вами там э-э... повстречались. Тогда милиция сможет объективно установить, что я не имею к этому трупу никакого отношения.

– Кроме того, что он похож на вас как две капли воды, – уточнил Коля.

– Это невозможно. Так не бывает, – окончательно прозрела Выдра. – Еще одна! Точно такая? Вполне достаточно и одного экземпляра. Два – слишком много. Природа не может быть так жестока.

Я подумала, что самой Выдре много и меня одной, но промолчала, лишь горестно вздохнув.

– А может, это ваша сестра? – почему-то обрадовался Коля.

Сокрушаясь, я сообщила:

– У своих покойных родителей я единственная дочь.

– А если и сестра, то теперь об этом некоторые будут молчать, – сказала Выдра, всем своим видом давая понять, что такой особе, как я, ничего не стоит убить собственную сестру, после чего заявиться среди ночи к порядочным людям и нахально морочить им голову.

Я поняла, что настало время повторить психическую атаку. На этот раз между воплями я жалобно приговаривала: «Теперь меня расстреляют, меня, ни в чем не повинную».

Коля не выдержал и сердито шепнул жене:

– Надо пойти.

– Куда? – мгновенно взбесилась та.

– В милицию. Нас просят подтвердить то, что было на самом деле.

– И что, дурак, ты подтверждать собрался? – рассвирепела Выдра.

– Ну, все, – туманно ответил Коля и растерянно посмотрел на меня.

Я сочла за лучшее не встречать, хоть и очень мне того хотелось. Пусть справляется с Выдрой сам, если он, конечно, мужчина.

– Что все? – уже опасно возбудилась Выдра. – Подтверждать, как эта нахалка таскала меня за прическу, а ты добросовестно смотрел на часы, чтобы она, не дай бог, не осталась без алиби?

И тут она заметила, наконец, отсутствие на Коле привычных шлепанцев, пузырей и «Динамо», после чего я сразу поняла, что присутствие на кухне серебристого костюма с лакированными туфлями рассматривается Выдрой как бунт и крамола.

– А куда это ты вырядился? – страшно закричала она и стукнула кулаком по столу.

Коля сдрейфил.

– Да нет, я просто... – беспомощно залепетал он, но Выдра и слушать его не хотела.

– Что просто? – завопила она. – Что просто, болван? Вырядился как последний кретин в единственный приличный костюм и трется на кухне. В честь чего, хотела бы знать? – выдав секреты семьи, спросила она.

– Капочка, у нас эти, гости, – мятежно озираясь по сторонам, мямлил Коля.

«Ага, значит Выдру зовут Капочка, – злорадно подумала я, – что же тогда правда, если не то, что я знаю? А знаю я вот что: не найдете вы доброй женщины с таким именем, потому что Капочка и доброта несовместимы. Одна моя знакомая Капочка превращала молоко в простоквашу своим появлением в моем доме, другая...»

Впрочем, речь не о том. Как же я раньше не догадалась! Ну, да теперь понятно, как надо себя вести. Во-первых, пора вмешаться».

– Значит, так, – твердо произнесла я, ставя руки в бока и грозно поднимаясь со стула, – если в этом доме есть честные люди, то сейчас они пойдут со мной, а те, для кого порядочность – непосильный труд, могут оставаться на кухне.

– Да, надо идти, – мгновенно выразил готовность Коля. – Время и так упущено.

– Куда идти? – тут же подбоченилась и Выдра. – Тебя хотят обвести вокруг пальца как последнего простака. Неужели ты, дурак, не понимаешь...

– Ну, хватит, – наконец-то взорвался и Коля, – ты как хочешь, а я оставаться в стороне от своего гражданского долга не собираюсь. Я иду с этой девушкой. И в этом костюме.

Выдра мгновенно сбавила обороты.

– Тогда сначала пойдем к ней, – согласилась она, окатив меня злобным презрением.

Я удивилась:

– Зачем?

– Погляди, в каком состоянии труп и сколько у него осталось волос, – рявкнула Выдра и ехидно добавила, направляясь к двери:

– Если волос совсем не осталось, тогда нет смысла беспокоить милицию алиби.

– Хорошо! – воскликнула я и поспешила за ней.

Коля в парадном костюме поплелся за нами.

Глава 7

Выдра вырвалась вперед и неслась по улице как сумасшедшая, а я бежала за ней и терялась в догадках, откуда она так хорошо знает дорогу. В конце концов я не выдержала и спросила.

– А что, разве у нас есть выбор? – не моргнув глазом, выдала Выдра ответ и ехидно добавила:

– Дорога здесь одна, и вы четко адрес назвали. Даже номер квартиры.

Я с недоумением посмотрела на Колю. Он подтвердил:

– Так и было.

После этого я осознала, в каком нахожусь состоянии. И этому есть причины: шутка ли, между драками и разводами обнаружить собственный труп в своей же квартире.

Согласитесь, такое нечасто случается.

Оставшийся участок пути я предавалась размышлениям на тему «не свихнулась ли я?» Очнувшись лишь у своей двери – к действительности меня вернул каркающий голос Выдры:

– Ключ!

– Зачем? – удивилась я, толкая дверь ногой и с ужасом обнаруживая, что она закрыта.

Выдра злорадно уставилась на меня. Не знаю, поняла ли она, чем продиктован мой ужас, но пожирала глазами (зараза!) меня с жадностью необыкновенной. Нет, все-таки она дрянь – так радоваться чужим неприятностям. Но кто же закрыл мою дверь?

Я с победоносным видом достала сумочку, из сумочки – ключ, но поскольку пользовалась им чрезвычайно редко, замок открыть не смогла. Дверь открылась без моего участия: с помощью ключа и Коли.

Выдра шепнула мужу, но так, чтобы и я могла слышать:

– Ее ли это квартира? Он удивился:

– Почему у тебя возникают такие вопросы?

– Потому что дверь не ее, это точно. Разве ты не видел: она понятия не имеет, какой стороной вставлять в скважину ключ?

– Нервничает, и это нормально, – вошел в мое положение Коля.

– Ты бы тоже нервничал, если б ломился в чужую квартиру, – злорадно отметила Выдра.

Я оставила ее ремарки без комментариев, поскольку моя принадлежность к этой квартире была очевидна: в гостиной половину стены занимал мой портрет – подарок второго мужа. Кстати, это единственное, чем он меня одарил (если не учитывать венерического заболевания, которое и послужило причиной развода). Ну, да мир его праху.

Открыв дверь, я первым делом метнулась к шубе. Обнаружив ее целой и невредимой, вернулась в прихожую, но ни Выдры, ни Коли там не было.

Нашла их в гостиной возле портрета. На портрете я хороша. Зачарованный Коля производил впечатление человека, творящего мне молитвы (я никогда не была против такого к себе отношения). Выдра же, коченея от зависти, напряженно искала недостатки в моей фигуре и тут же громогласно сообщала о своих находках.

– А ноги кривые, – делилась она впечатлениями.

– Позвольте, – возмущенно воскликнула я, – на портрете нет моих ног! На мне платье семнадцатого века, и оно, если зрение не подводит, до пят.

– Но под платьем есть ноги, – с неопровержимой логикой отрезала Выдра. – Вот они и кривые.

– Да, совершенных художников нет, – согласилась я, вспомнив об алиби.

К моей радости, Выдра сменила щекотливую тему на более безопасную и приятную.

– Но где же ваш труп? – спросила она.

– Да вот же он... – начала было я, но, взглянув на диван, остолбенела.

Диван был пуст. Коля смотрел то на меня, то на диван с недоумением, Выдра – со злорадством. Впрочем, так она смотрела бы в любом случае. Я заметалась вокруг дивана, не веря своим глазам.

– Вы уверены, что труп был именно здесь? – с явным желанием мне помочь спросил Коля. – Может, он лежал на другом диване?

– Да нет же, именно здесь, – горячо возразила я, – ошибиться сложно. Кровавое пятно на новом велюре привело меня в шок.

Выдра меня добила:

– Но тут нет никакого пятна, – сказала она.

Пятна, из-за которого я так горевала, действительно не было, но этот факт почему-то не радовал. Более того, мне стало жутко. Захотелось чего-нибудь прочного и постоянного. Я сорвалась с места и бросилась в прихожую в надежде найти свои тапочки. Отсутствие тапочек лишало происходящее всякого смысла.

– Что вы ищете? – спросила Выдра, которая последовала в прихожую и скептически наблюдала за моими лихорадочными скачками возле тумбочки.

– Шлепанцы, – упавшим голосом ответила я.

– В своем вы уме? Нашли тоже время.

– Я же говорила, что в шлепанцах был мой труп, а поскольку шлепанцев нет...

– Можно сделать вывод, что труп пошел прогуляться, – с неуместным сарказмом мою мысль продолжила Выдра и добавила то, что довело меня до безумия:

– Труп не просто ушел, он прихватил с собой лужу крови вместе с ковром, – сказала она и, покрутив у виска пальцем, залихватски присвистнула.

– Как?! Пропал мой персидский ковер?! – горячечно завопила я и бросилась обратно в гостиную.

Действительно, пол был гол! Гол неприлично! Халат, тапочки, теперь труп и ковер! Все пропало! Столько лет не запиралась эта квартира, и вот пожалуйста – дверь на запоре, а персидского ковра как не бывало. Судите сами, что опасней – открытые или закрытые двери?

Пока я носилась по гостиной, Коля смотрел на меня с сожалением.

– Могу я чем-нибудь вам помочь? – в порыве сочувствия спросил он.

Я ответила не задумываясь:

– Можете! Вы можете купить новый персидский ковер и вернуть труп на место.

Он призадумался.

– Коля, пошли домой, ты разве не видишь – она сумасшедшая, – очень некстати вмешалась Выдра.

– Как, – возмутилась я, – вы хотите уйти и бросить меня одну?!

Выдра изумилась:

– А что мы должны делать? Искать труп, кровь, ковер? Хотя, что касается вашего трупа, – задумчиво продолжила она, – если вы настаиваете, здесь, пожалуй, я согласилась бы вам помочь.

Ох и тварь же она, эта Выдра! Разве можно издеваться над человеком, пережившим развод? Я не сдержалась и тут же открыла ей все, чем дышу. Она, соответственно, в долгу не осталась. Коля молчал, как настоящий мужчина. Почувствовав, что времени у него достаточно, он неспешно достал из кармана пачку сигарет и зажигалку.

– Ладно, вы тут пока беседуйте, – бросил он и спокойно вышел из комнаты.

– Да, да, иди покури! – яростно крикнула вслед ему Выдра.

– Как ты догадалась? – удивился он, возвращаясь.

Выдра не унималась.

– Это единственное, на что ты способен, – рявкнула злобно она.

Я сообщила с любезной улыбкой:

– Пепельница на кухне.

Чем заслужила улыбку благодарности – одарил меня, разумеется, Коля, не Выдра.

Едва он вышел, Выдра набросилась на меня с кулаками.

– Стерва! Не смей подбивать клинья под моего идиота! – вопила она.

Я была связана алиби по рукам и ногам, а потому пятилась и вяло оправдывалась: лепетала что-то про гостеприимство, про долг радушной хозяйки.

Выдра, видимо, тоже не забывала про алиби и свирепствовала в осознании безнаказанности. Фингал, того и гляди, мог вырасти под моим заплаканным глазом. Под любым. Если не под обоими.

К счастью, меня осенило: «Труп пропал! На фига мне алиби?»

В тот же миг мои нервы не выдержали, и я набросилась на обнаглевшую Выдру. Теперь, когда моего трупа не оказалось на месте, я могла себе это позволить.

Выдра, отчаянно жалея о грубости, теперь пыталась ретироваться, но я хотела реванша. Я схватила ее и не отпускала, а она почему-то настырно пыталась залезть под диван. Я настойчиво чинила препятствия.

Время летело быстро, почти незаметно. Вдруг Выдра с воплем ужаса резко переменила планы. Теперь она изо всех сил рвалась обратно из-под дивана.

Я же, забыв о своем первоначальном желании, машинально запихивала ее под диван. Так продолжалось до тех пор, пока Выдра не заорала:

– Там кровь! Кровь!

Глава 8

– Кровь! – вопила Выдра.

Поскольку вопила она дурным голосом, я за ногу извлекла ее из-под дивана.

– Где кровь? – спросили мы одновременно с прибежавшим на шум Колей.

– Вот, вот, я исп-пачкала руку и п-платье, – испуганно заикалась Выдра.

Коля с неистребимой надеждой спросил:

– Может, это твоя кровь? Выдра напряженно задумалась.

– Да нет, эта густая, – резонно заметила я. – Ковер прилично заходил под диван. Часть крови осталась на ковре, а часть вытекла на пол. Теперь вы мне верите, что здесь был труп? – с глупым торжеством воскликнула я.

Видите сами, звезд с небес не хватаю. Не ошибался мой первый муж, говоря про меня: «Ну и дура!» Я не просто бедная женщина и постоянно нуждаюсь, я к тому же еще и...

Впрочем, правда тоже до добра не доводит, так что лучше я промолчу.

– Но где же он? – спросил Коля, имея в виду мой труп.

– Когда отправлялась к вам, он был тут, на диване, – ответила я и пригорюнилась:

– Ума не приложу, кому он мог понадобиться.

– Давайте поищем, может, он спрятался? – предложил Коля, задумчиво глядя мне прямо в глаза.

– А знаете, это идея! – воскликнула я, и мы приступили к поискам.

Выдра тоже принимала участие, с жадным любопытством разглядывая мою квартиру.

– Вы одна здесь живете? – всуе поинтересовалась она.

– Теперь, увы, да. Сегодня я развелась, – честно призналась я и тут же напоролась на ее осуждение.

Однако одобрение, мелькнувшее в глазах Коли, послужило отличным противовесом.

– Как вам удалось заполучить такую большую квартиру, да еще в центре Питера? – стреляла вопросами Выдра, исследуя спальню. – Да еще с таким просторным коридором, да еще с раздельными комнатами. И на какие деньги вы так обставились? Коля, глянь, роскошь какая, глянь – вот так кровать!

Коля с тоской взглянул на кровать, с безнадежной надеждой взглянул на меня, уныло вздохнул, отвернулся от Выдры и пошел обследовать зеленую комнату. Выдра же неутомимо продолжала задавать типично русские вопросы. Ее интересовало все: где я приобрела финский гарнитур (жилая комната), кто написал мой портрет (в натуральную величину), откуда у меня лисья шуба (она заглянула и в шкаф), не собираются ли меня уплотнять (пусть попробуют!)...

Интригуя ее, на все вопросы я отвечала уклончиво. Выдра в конце концов заинтересовалась, чем я занимаюсь в свободное от отдыха время.

– В основном выхожу замуж и развожусь, – с присущей мне искренностью ответила я.

Выдра ехидно поджала свои злые губки и выдала:

– Ах, вот оно что. Чем же ваш образ жизни отличается от проституции?

Я согласилась (не без намека):

– Верно, для некоторых женщин брак – узаконенный вид проституции.

Выдра хмыкнула. Ее «хм» говорило о многом. К примеру, о том, что я заманиваю в свои сети богатеньких престарелых склеротиков. Пользуясь недугом мужей, я заставляю их по сотне раз в сутки исполнять супружеский долг. И так до тех пор, пока очередной склеротик не загнется от чрезмерного секса. Убив одного, выхожу за другого богатенького и следую той же схеме...

Так вот, это не правда – все мои мужья умирали цветущими и молодыми. Кроме тех, разумеется, которые успевали дожить до развода, но это уже другая история.

А что касается квартиры, здесь Выдра права: в наши тяжелые времена одному мужчине (каким бы он ни был) такая квартира не по плечу. Квартира моя – труд коллективный и, надо добавить, незавершенный. Я полна планов, а потому для умных, энергичных мужчин двери моей квартиры всегда распахнуты настежь.

Я сообщила это Выдре, осматривая зал. Она хмыкнула и собралась сказать новую гадость, но ей помешал Коля – он вошел и сказал:

– Мне кажется, мы теряем время. Если кто-то решил спрятать ваш труп, то к чему его прятать здесь? Это же ваша квартира, а значит, рано или поздно вы труп найдете.

Я восхитилась:

– Железная логика!

– Точно, – согласилась и Выдра. Вдохновленный комплиментами, Коля продолжил:

– Разумней было бы вытащить труп из квартиры.

– Но лифт не работает, – напомнила я, – а квартира моя, если вы не забыли, на девятом этаже.

– Мы не забыли, – вставила Выдра.

– А раз трупа нет, – продолжил мысль Коля, – то и поиски его бесполезны.

– Тем более что мы уже все осмотрели, – опять вставила Выдра.

А я уточнила:

– И труп не иголка. Кстати, может, и хорошо, что с трупом украли ковер. Так будет легче найти преступника, поскольку мой ковер единственный в своем роде.

– О чем вы? – зажглась любопытством Выдра.

Я заговорщически прошептала:

– Открою вам огромный секрет: ковер не персидский, как думают многие, а таджикский. Мне его подарила третья свекровь, в роду у которой были таджики. Ковер был сделан руками ее покойной бабули. Так что во всем Питере нет второго такого ковра.

– Ну надо же! – охнула Выдра.

– Пусть теперь вор попробует сунуться куда-нибудь с этим ковром, – злорадно заключила я и тут же встревоженно осведомилась:

– Но что же мне делать?

– Без ковра? – Коля опешил.

– Да нет, вообще. Вы уйдете, а что делать мне?

– Ничего, ложитесь спать. Если возникнут проблемы, звоните мне, не стесняясь. Я рядом и сразу к вам прибегу.

Взглянув на зеленеющую жену, он поспешно добавил:

– На помощь.

Браво, Коля! Нет, все же, как благотворно влияю я на мужчин. Жаль, что нечасто. Выдру от злости перекосило.

– А как вы узнали наш адрес? – с подозрением спросила она.

И тут я вспомнила про свою коробку, которая осталась в их квартире в прихожей на тумбочке. Черт, теперь у Выдры две коробки, а у меня ни одной! Я поделилась с ней своим горем. Выдра алчно спросила:

– А что в вашей коробке?

– Много чего, но все большого размера, – охладила я ее пыл. – Придется мне пойти с вами.

– Зачем? – оживился Коля. – Завтра я доставлю вам вашу коробку.

– Ну уж нет, – взъерепенилась Выдра, – не барыня, пусть пойдет и заберет. Нам не надо чужого. А у тебя завтра есть дела.

Он попытался ей возразить:

– Но завтра суббота. Точнее, уже сегодня.

– Тем более, – рявкнула непреклонная Выдра.

Я отправилась за коробкой. Я не большой любитель прогулок по спящему городу, но и оставаться ночью в квартире, где мой труп то появляется, то исчезает, занятие тоже не из приятных.

Коробку Выдра вручила мне через порог, предварительно обследовав Колину. Представляю, каких страхов натерпелся бедняга, когда она сунула нос в его плоский бумажник. Коля, думаю, готов был меня расцеловать за то, что бумажник пуст оказался.

Впрочем, и не только за это.

Получив коробку, я не осталась в долгу: немедленно удостоверилась, что бюстгальтер десятого номера на месте, так же, как и дезодоранты, и купальник, и прочее.

После этого я сказала несколько крепких слов Выдре и гордая унеслась домой. Колины робкие попытки меня проводить Выдра с завидной легкостью пресекла.

Переступив порог своей квартиры, я вздохнула с большим облегчением. Как все же хорошо там, где нет Выдры! Кто угодно, пусть даже труп, но только не Выдра. Бедный Коля, как ему нелегко!

За окном уже брезжил рассвет, а спать совсем не хотелось. Хотелось радоваться! Радоваться отсутствию Выдры! Подумать только, в какой зависимости я пребывала всего каких-то пару часов назад! Это большая удача, что мой труп так срочно кому-то понадобился. Не случись этого, истрепала бы нервы с подлой бабенкой. Сколько пришлось бы перед ней лебезить и пресмыкаться! Бр-р, какая гадость! Ума не приложу, как бы все это пережила.

Я с ужасом осознала всю серьезность минувшего положения. Конечно, не спать, конечно, радоваться! К тому же я все равно не смогла бы уснуть без влажной уборки во всех комнатах.

Сбросив юбку и блузку, я переоделась в новый халат. Это, конечно, не то что прежний, любимый, но как тут быть, если и трупу он приглянулся.

Повздыхав о горькой судьбе, я взяла из чулана ведро и отправилась в ванную. По пути решила прихватить модную швабру. Она хранится в коридоре в стенном шкафу, предназначенном для всякой стильной мелочи. Только на мелочи зарплату моей и хватает. Ах, как тут обойтись без мужей? Правда, альфонсы в основном попадают, но я не унываю: вдруг и мне повезет?

Бодро насвистывая мотивчик «без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом», открываю дверцу и... принимаю в свои объятия труп – он выпадает из чрева шкафа.

Не стану описывать визг, который издала при этом. Визг этот, кажется, и по сей день витает в моих стенах. Можно только дивиться, на что способна обычная глотка: даже у трупа зашевелились волосы на голове. Представляю, что было с моими соседями!

Впрочем, тогда мне было не до соседей. Труп вывалился и повис у меня на руках. Оказывается, он никуда не отлучался: в стенном шкафу пересидел нашествие Выдры. Надо сказать, что труп по-прежнему был в моих тапочках и халате.

«Господи, но какая я неподъемная! Пора на диету! Ох, это тоже не выход. Горя не знает тот, кто не сидел на диете», – пронеслось в моей голове.

Так, ворча и вздыхая, я пыталась водворить тело на место. Труп ни за что не хотел возвращаться обратно в шкаф. Он непременно хотел повалиться на пол, и я ничем не могла ему помешать. После неравной борьбы мы рухнули оба, распластавшись на весь коридор. Причем труп почему-то лежал подо мной.

Я пришла в отчаяние: как бы сейчас пригодился тот, кто затащил мой труп в шкаф! И за ковер я бы с него заодно спросила.

Надо было срочно что-то предпринимать. Хотя бы из санитарных соображений. Ведь рано или поздно труп начнет разлагаться, не говоря уже о том, что проход в туалет и на кухню надежно перегорожен.

Хуже всего было то, что вновь появилась необходимость в алиби – следовательно, снова к Выдре в кабалу.

«Не вовремя выскочила со своей откровенностью», – подумала я, вспоминая нашу последнюю ссору.

Безобразие! И суток с женщиной не знакома, а уже успела вдоволь с ней наругаться и даже подраться. Что за несносное создание эта Выдра!

Телефонный звонок отвлек меня от страданий. Я глянула на часы: пять утра. Вот кто, потеряв всякий стыд, может трезвонить в такое время?

Конечно, моя подруга Гануся. До зарезу ей надо знать, как прошел мой вчерашний развод. Боже, как потускнело это событие!

Я не ошиблась.

– Куколка, где тебя черти носят? – с ходу обругала меня Гануся. – Сутки не могу дозвониться! Так можно и умереть от информационного голода! Ну е-мое!

Нет, как вам это нравится, после такой ночи я еще и оправдываться должна?

– Занимаюсь устройством своей личной жизни, – смиренно ответила я, чем привела Ганусю в радостное смятение.

– Так ты не одна? – дико прошептала в трубку она.

– Увы, да, – ответила я, не греша против истины.

– Почему «увы»? Он кто?

Ну что, ей правду сказать или не стоит пугать? Впрочем, почему я одна пугаться должна? Скажу!

– Он труп, – честно призналась я. Гануся торжествующе загоготала:

– Труп?! Ну е-мое! Я сейчас упаду! Ничего другого, куколка, от тебя и не ожидала!

Я и рта не успела открыть, чтобы развеять ее заблуждения, как Гануся бойко принялась комментировать якобы происходящее:

– Куколка, правильно делаешь! Мужики это любят! Ха! Ну е-мое! Он уже труп! Теперь можешь вить из него веревки и складывать их на черный день!

– Мне сейчас только советов твоих не хватает, – зло вставила я.

– Ладно, не буду мешать вам. Куколка, продолжай в том же духе! – подбодрила она меня и... бросила трубку.

Подумать только, подлость какая! Когда надо, от нее деликатности не дождешься, а тут «не буду мешать вам». Кому «нам»? Нам с трупом? Вряд ли трупу может кто-нибудь помешать, даже Гануся.

Я решительно набрала ее номер, но бесполезно.

Минут тридцать я терзала все ее телефоны: везде было занято.

Гануся устроила конференцию – теперь не успокоится, пока не обзвонит всех знакомых и досконально не посвятит их в мои перемены. Подробности (можно представить какие!) она извлечет из своего воображения, а фантазия у Гануси буйная.

Труп все это время безучастно лежал в прихожей и разлагался. Конечно, близкая подруга – это не тот человек, на которого можно положиться в таких делах. Гануся любит меня, я ее еще больше люблю, зачем бедняжку расстраивать? Начнет переживать, похудеет...

Но с другой стороны, у Гануси высокий рост и крепкие руки, что очень уместно при моем ощутимом весе... Тьфу, речь, конечно, о трупе.

Я-то женщина хрупкая и грозной выгляжу лишь за счет своего темперамента. Одной мне этот труп не осилить.

Пришлось топтать к Ганусе.

Глава 9

Я хорошо изучила привычки любимой подруги. Гануся открыла дверь, не выпуская из руки телефонной трубки и ни на секунду не закрывая рта. Увидев меня, она рот распахнула предельно. Так с открытым ртом изумленно и выдохнула: «Музочка, ты?!» Как ей удастся такое? Хотя, если я умею разговаривать, не открывая рта, то почему бы Ганусе не делать наоборот?

– Да, это я, – с осуждением ответила я и строго спросила:

– Сколько можно трепаться?

Гануся, бестолково хлопая необыкновенной красоты глазами, пропустила меня в квартиру и выглянула на лестничную площадку. Она никак не могла охватить обстановку своим изумленным умом (простите, иначе не скажешь). Происходящее ей казалось невероятным. Что будет, когда она узнает о цели визита?

– Ты что, одна? – прямо в трубку спросила она у меня. – Ну е-мое! А труп куда дела? И почему ты в домашнем халате? Да нет, я не тебе, – вспомнила Гануся и про того, кого пичкала сплетнями из моей личной жизни, – ко мне тут пришли, потом созвонимся, все, отключаюсь!

«Сейчас отключишься», – подумала я и спросила:

– С кем говорила?

И, не дожидаясь ответа, похвалила Ганусю:

– Молодец, что догадалась вовремя распрощаться с Тусечкой.

– Почему ты решила, что я говорила с Тусей? – удивилась Гануся.

– Высчитала. Когда ты бросила трубку, было пять утра, теперь шесть. Прошел всего час.

За это время дальше Тудей тебе не продвинуться.

Гануся немедленно согласилась, кивнув с одобрением:

– Да, это Тудя была. Так почему ты в халате?

– Потому что спешила.

– А куда дела труп? Или вы поругались? – испугалась она.

Пришлось ее «успокоить».

– Хуже. Труп лежит в коридоре, и ему уже все равно. Он вряд ли может ругаться, – с прискорбием сообщила я.

– Ну е-мое! И этого довела до сексуального истощения, – с завистью заключила Гануся.

Сама она в постели изображала бревно и потому гордилась моими победами.

– Да нет, – стыдливо призналась я, – к этому трупу не имею вообще отношения.

– Как возможно такое? – недоверчиво спросила Гануся.

Я пояснила:

– Он женский, а не мужской.

Гануся мгновенно стала родной: на лице ее появилось глупейшее выражение.

Я решила, что можно смело посвятить ее в свои неприятности. Девушка она хитрая, а потому большой опасности нет. Там где начинается ее выгода, заканчивается болтливость. Перетаскив мой труп, Гануся немедленно попадет в соучастницы, о чем она догадается, конечно, но уже после свершившегося. Следовательно, для собственного благополучия будет молчать, как рыба об лед. Гануся учится в аспирантуре и вряд ли захочет портить карьеру.

Я приступила к рассказу о мытарствах прошедшей ночи. Мне почему-то казалось, что на это уйдет меньше времени, но Гануся проявила небывалую бестолковость. Она так долго задавала вопросы, что в конце концов я не выдержала и завопила:

– Пока мы сидим тут, труп там разлагается! А соседи просыпаются!

– А при чем здесь соседи? – поразились Гануся. Нет, никаких нервов не хватит, чтобы разговаривать с ней, с любимой моей и родной!

- Как при чем?! – взвизгнула я. – Ты что, хочешь их встретить, втаскивая труп в лифт?
- О таких вещах лучше шепотом, – попросила Гануся и пояснила:
- У меня тоже соседи.
- Ты права, – послушно перешла я на шепот. – Вынеся из квартиры труп, мы спокойно погрузим его в лифт, а потом затащим в твою новую «Оду», которую подкатим к подъезду.
- И что? – насторожилась она.
- Ничего, довезем до первого парка и оставим на лавочке, – сказала я и спохватилась:
- Да, еще снимем с трупа мои шлепанцы и халат.
- Гануся напонила:
- Халат на тебе.
- На мне другой халат, а мы снимем тот, старый, любимый.
- Ну е-мое! Раздевать труп догола? Прямо в парке? Это жлобство! – возмутилась Гануся.
- Я сконфуженно согласилась:
- Хорошо, халат и шлепанцы снимем в квартире.
- И голый труп потащим в лифт? А если случайно выйдут соседи? Что они скажут? Не обижайся, куколка, но это совсем неприлично, – осудила меня Гануся. – Надо бы его приодеть.
- Может, еще скажешь и приодеть? – возмутилась и я. – Ты знаешь, я бедная! Нет у меня для трупов свободной одежды! Особенно обуви!
- В любом случае, куколка, не понимаю, как мы потащим твой труп. Я боюсь мертвецов.
- Она как живая! – бодро заверила я.
- Гануся, похлопав своими большими глазами, вздохнула:
- Нет, я не могу. Мы можем столкнуться с соседями, и пострадает моя карьера.
- На моей площадке это исключено – там одни совы, раньше девяти в субботу не просыпаются, а внизу придется проявить осторожность. В одном ты права: не стоит катать по городу голый труп. Честное слово, не знаю, что делать. Даже если я пожертвую трупу что-то из шмоток, это тоже не выход. Предлагать свои вещи трупу рискованно. Их могут узнать.
- Гануся уставилась на меня, как на сумасшедшую.
- Ну е-мое! Если ты утверждаешь, что та, мертвая, вся в тебя, то встречи с милицией в любом случае не избежать, – снисходительно пояснила она и многозначительно покрутила у своего стильно выбранного виска наманикюренным пальцем.
- Пришлось возразить:
- Да, но при этом я могу настаивать, что не подозревала о существовании трупа. А вот после обнаружения на нем моих вещей бесполезно толкать подобные речи.
- Твои речи странны по-любому, – «обрадовала» меня Гануся и с тяжелой обидой добавила:
- Жаль ковер, лучше бы ты продала его мне, когда я тебя об этом просила.
- Ну, кто же знал, – я пожала плечами. – К тому же ковер безнадежно испорчен. На нем кровь.
- Крови не было бы на ковре, продай ты его мне, – послала новый упрек Гануся.
- Я заупрямилась:
- Кровь была бы, но уже на полу.
- С полу кровь легче смывается.
- Меня передернуло: о чем мы говорим? Соседи там просыпаются, труп разлагается, а мы мелем всякую чушь.
- Так ты поможешь мне или нет? – воскликнула я и задала законный вопрос:
- На кой ляд тогда мне подруги?
- А я что, единственная твоя подруга? – опомнилась вдруг Гануся. – Попроси Нинусю.
- Ты финансист, – брякнула я.
- А Нинуся психолог.

– Ну сама посуди, зачем труп психолог?

– А финансист труп зачем?

– Финансист нужен мне, а не труп, – сочла нелишним я пояснить. – Мне нужна твоя трезвость ума! Ты можешь представить реакцию романтической Нинуси? Она тут же бухнется в обморок, если раньше от разрыва сердца, бедная, не умрет. Хватит плодить трупы. Ты финансист, а потому правильно смотришь на жизнь. Тоже мне, сообразила, кого предложить. Нинусю!

Гануся осознала свою вину и дрогнула.

– Ой, не знаю, куколка, – вздохнула она. – Вижу, и в самом деле, кроме меня, тебе не на кого положиться. Но с другой стороны, я боюсь мертвяков. И карьера моя... Куклолка, ты честно признайся, точно не имеешь к этой девице никакого отношения?

– Кроме того, что мы похожи друг на друга как две капли воды! – воскликнула я и с чувством перекрестилась.

Гануся сразу поверила.

– Ладно, ты сирота, надеяться тебе действительно не на кого. Никого нет, кроме подруг. Я помогу тебе вытащить труп, а ты мне за это...

Гануся ушла в себя.

– Родненькая, все что хочешь, только быстрее, труп там не просто лежит, он разлагается, – с жаром взмолилась я.

– А ты мне – свою лисью шубу, – не растерялась Гануся.

Я взвилась:

– Разве можно так бесчеловечно пользоваться чужим горем?!

– Я рискую целой карьерой, а тебе жаль какую-то старую шубу!

– Ничего себе, старую! Ей нет и трех лет! Люди к этому возрасту только-только говорить начинают!

Согласитесь, резонное уточнение.

Но не для Гануси.

– А шубы к этому возрасту начинают облезать, если их носить в дождь, – парировала она.

– Ладно, шуба твоя, – горько вздохнула я. – Только куда тебе моя лисья шуба?

– Это уж забота моя, – возликовала Гануся. – Буду худеть, теперь появится мощный стимул.

– Очень рада, что есть польза и от меня, – горюя, сказала я и предложила:

– По коням?

– У меня кобыла, – рассмеялась Гануся, и мы помчались в ее гараж.

Глава 10

Мы выкатили «Оду» Гануси и понеслись.

И чем ближе подъезжали к моему дому, тем хуже становилось Ганусе. Она так откровенно дрейфила, так часто вытаскивала трясущимися пальцами сигареты из пачки и так безбоянно дымила, что я невольно порадовалась расставанию с шубой.

Теперь только шуба спасала меня от трупа в квартире. Я хорошо изучила Ганусю: если ей чего-то захочется, она готова на все. Транспортировка голого трупа не есть подвиг в сравнении с тем, на что способна Гануся.

Как я и предполагала, у лифта она взяла себя в руки и категорично изрекла:

– Отдашь мне к шубе и сапоги.

– Какие? – насторожилась я.

– Французские.

Нет, это грабеж среди белого дня! Такое услышать от лучшей подруги! Кто она после этого?

Правильно вы подумали.

– Хорошо, – скрепя сердце ответила я, – но мои сапоги тебе на два размера малы.

– Не правда, как раз впору.

Я решила не злить Ганусю – в гневе она страшна.

– Бог тебе судья, – вздыхая, сказала я, – сапоги так сапоги, и хватит. Умерь аппетит, иначе будет два трупа.

– Не жадничай, – добродушно хихикнула Гануся, предоставляя мне возможность первой выйти из лифта. – К сапогам добавь и юбку.

– Какую?

– Из кожи. Иначе зачем сапоги?

Гануся права: во французских ботфортах, кожаной мини-юбке и лисьей шубе до пят (которая нараспашку) я выгляжу «офигенно».

Если хорошенько крашусь.

Если нет на лице приличной косметки, ничего меня не спасет: бледная кареглазая поганка, «украшенная» легкой косинкой.

Все это ужасно даже в шубе с ботфортами!

Но вернемся к моей беде. Впрочем, в том, о чем шла речь перед этим, тоже радости мало.

Так вот, на этот раз я тщательно закрыла дверь, а потому на ходу достала ключ и только было собралась вставить его в замочную скважину, как обнаружила, что дверь снова открыта.

– Нет, пора снимать этот бесполезный замок! – возмущенно воскликнула я, влетая в квартиру.

– Зачем? – испугалась Гануся.

– Будто есть в нем смысл, если сам он себе хозяин: закроешь – открыт, оставишь открытым – закрыт.

Не слушая меня, Гануся метнулась в гостиную, в спальню, в зеленую комнату, в кухню и, пока я мучила дверь, успела вернуться обратно. Вид у нее был... Короче, малообещающий вид.

– Ну, е-мое! – гневно прогремела она. – Ты, куколка, вижу, решила поиздеваться над своей лучшей подругой! Ха, в шесть утра! Другого времени не нашла для шуток?

– Нет, а что произошло? – заискивающе пискнула я, почуяв неладное.

– Где твой труп?

Чтобы определить, что труп снова пропал, не было необходимости метаться по всей квартире: я оставила его в коридоре. И там трупа не было.

Я села, где стояла (то есть на пол), и схватилась за сердце рукой.

– Гануся, – выдавила я из себя, – на кухне в аптечке должно быть лекарство от нервов, оставшееся от мужа. Налей побольше в стакан и принеси.

Моя подруга педантично заметила:

– Там много его лекарств. Как называется? Я рассердилась:

– Понятия не имею. Можешь спросить у моего бывшего мужа.

Пока я пребывала в прострации, Гануся – вот она, финансовая жилка! – именно так и поступила: позвонила моему бывшему мужу, спросила, как называются все лекарства, которыми он спасал от меня свои нервы, после чего накапала необходимую дозу. И все это не спеша, с расстановкой, сосредоточенно.

Я все это время сидела на полу в коридоре напротив двери в гостиную и тупо смотрела на таджикский ковер, который Гануся доверчиво считала персидским.

– Не может быть, – сказала я, выпив нервных лекарств, – этого просто не может быть.

Видимо, мой муж знал толк в лекарствах, потому что капли подействовали. Я пришла в себя и полезла под антикварный диван. Никакой крови там не было, хотя дело так и не дошло до влажной уборки – труп помешал, он выпал из шкафа.

Я метнулась в прихожую и (не чудо ли!) обнаружила свои шлепанцы, о пропаже которых так подробно жаловалась Ганусе. Поход в ванную увенчался полным провалом. Мой халат, в отсутствие которого так долго не могла поверить Гануся, лежал на своем обычном месте: между стиральной машиной и полочкой для белья.

– Что все это значит? – добила меня резонным вопросом Гануся.

Она не смирилась с потерей моей лисьей шубы, кожаной юбки и французских сапог и кипела негодованием:

– Где твой труп, черт побери?! Или его мне найди, или тебя пришибу и потащу голой в парк на скамейку!

Угроза серьезная для любого, кто знает мою Ганусю.

– Сама ничего не пойму, – растерянно лепетала я. – Делает этот труп все что хочет, не считаясь ни с чьими интересами.

– Да-а, куколка, плохи твои дела, – прозрела Гануся, с болью вглядываясь в мое лицо. – Это все одиночество. От него у кого хочешь крыша поедет.

– Окстись, – подпрыгнула я, – только вчера развелась и, кабы не труп, была бы довольна. А может, и счастлива.

– Но труп появляется и исчезает, а это значит, что крыша твоя слегка съезжает. Надо решительно менять твою жизнь. Куклолка, у тебя психическое расстройство, и я знаю причину.

– Ну? – содрогаясь, спросила я.

– У женщин так бывает от воздержания, – сокровенно поведала мне Гануся.

Я вздохнула, признаюсь, с большим облегчением, вздохнула и сообщила:

– Это не про меня. Вчера перед разводом имела прощание с мужем. Он так поразил меня, что я опять завела разговор о мире. Но он ни в какую.

– Почему?

– Сказал, что ему надоела моя нищенская зарплата. Он нашел приличную женщину, которая даст ему то, чего он достоин: бирюзовый «Майбах» и годовой абонемент в гольф-клуб на Канарах.

– Кошмар! – ужаснулась Гануся и давай мне внушать:

– У тебя счастья не будет до тех пор, пока ты кормишь альфонсов. Нельзя быть добрячкой такой. Ты буквально все всем раздаешь. Вот скажи, зачем ты, дурища, обещала мне шубу, юбку и сапоги? Я и без шубы обязана лучшей подруге помочь. А как ты одариваешь мужчин, просто тошно смотреть! И еще потом всех убеждаешь, что это они одарили тебя.

– Не правда, – пискнула я, но Гануся прикрикнула:

– Лучше молчи! Будто не знаю, что квартира тебе досталась от покойных родителей, картину ты намалевала сама и жутко себе польстила, а сделать ремонт помогала тебе бабуля на свои похоронные. И пашешь ты как толпа пап Карл за растрату, а потом еще врешь, что квартира – труд коллективный.

Я разрыдалась. Да, вру иногда от стыда и боли, но разве можно так безжалостно разоблачать меня, разнесчастную?

– Не реви, а лучше берись за ум! – приказала Гануся.

– Легко тебе говорить. Ты красивая, – сквозь слезы прохлопала я.

– Ты, куколка, тоже не хуже. Ну, е-мое! Ты же красавица! Могла бы мужчинами руководить, а не ползать перед ними на брюхе. Да еще и скрываешь это перед подругами. Как ты врешь! Иной раз как начнешь хвастать своими победами, я готова сгореть со стыда. Знаю, тебе Нинусик советует. Она как психолог уверена, что хвастовством ты повысишь самооценку. Но видела бы ты себя, когда врешь. У тебя же крупным шрифтом на лбу написано: НЕ ВЕРЬТЕ! Я ОТПЕТЫЙ УРОД!

– Не правда, – хлюпнула я. – Я никогда не хвастаю и не вру.

– Ну е-мое! – возмутилась Гануся. – Не ты ли хвалила свой труп?

– Вот именно, я лишь тогда хороша, когда уже труп, а живая похожа на серую мышь, пока не покрашусь. Мужья думают, что женятся на красавице, а утром находят в своей постели тусклую блеклую моль.

– Прекрати! – рассердилась Гануся. – Я тоже, когда умоюсь, не так хороша, как до этого, но мои мужчины мирятся с метаморфозой. И твои мириться должны. Все, пора ставить жизнь твою непутевую на колеса! Этим займусь я сама, а то трупы уже ей мерещатся! Ну, е-мое, до чего себя довела! Вот что, не хнычь, есть у меня на примете один милый парнишка...

Я не имела бы ничего против парнишки, когда бы не опыт, кстати, очень плачевный: как только Гануся начинает ставить мою жизнь на колеса, жизнь эта сразу слетает с колес. А у меня и без этого масса проблем. Хватит с меня быстрорастворимого трупа.

Если к трупу примкнет и милый парнишка – боюсь, что не выдержу.

Все это в сдержанной форме я объяснила Ганусе, сладострастно охающей и ползающей по таджикскому коврику. Я-то объяснила, но ей было не до меня.

– Разве можно тебе верить? – проводя рукой по пышному ворсу, гневно спросила она и без всякого перехода пришла в восторг:

– Ну е-мое! Боже, какой ковер! Словно новый! Ни пятнышка! А пахнет-то как! Зашибись! Фиалка? Нет, роза. Или лилия? – гадала она, поводя носом перед ковром.

Я наклонилась и тоже понюхала:

– Да, приятные запахи.

Гануся воспряла духом.

– Я бы на твоём месте, чтобы загладить свою вину, продала мне этот ковер, и дело с концом, – заключила она и спросила:

– Зря, что ли, я готова была с трупом связаться?

– Прости, но ковер я продать не могу. Он мне дорог как память о моей милой свекрови, – начала было я, но Гануся свирепо меня перебила:

– Ну е-мое, снова врешь! Не потому ли ты бледная, как поганка, что свекрови всю кровь сдала? Вурдалаки, е-мое, отдыхают там, где присосалась твоя свекровь! Ха, эта упыриха тебе подарила ковер! И ты эту дрянь, этот ее подарочек, пожалела для лучшей подруги? Которая, между прочим, за тебя и в воду, и даже в огонь! И трупы готова таскать!

Мне стало стыдно.

– Хорошо, – пискнула я. – Считаю, что ковер уже твой.

– Ну, е-мое! – взревела Гануся. – Образец ты беспомощности! А все потому, что с головы до ног напичкана принципами и связана по рукам и ногам моралью. Не можешь и шагу без них

ступить. Хуже всего, что ты и меня время от времени всем этим дерьмом заражаешь. Нельзя жить по совести, надо жить по уму.

– Я по уму и живу, – сообщила я шепотом.

– Значит, нет у тебя ума! Вот зачем ты хотела мне подарить дорожный ковер?

Запнувшись, Гануся махнула рукой и простила меня:

– Ладно, я не сержусь. Ну, тогда пообещай: если опять появится труп, к шубе, юбочке и сапожкам приложится твой персидский ковер. За меньшее и не тревожь меня.

– Хорошо, пойдем выпьем кофе, – предложила я не из гостеприимства, а лишь затем, чтобы прекратить этот постыдный торг.

Гануся вскочила с ковра:

– Пойдем, заодно и жизни тебя поучу. Ох, болит у меня душа за таких недотеп. Вот ведь бог мне послал наказание!

Не буду рассказывать, чему учила меня Гануся, – я чуть со стыда не сгорела, и длилось это довольно долго. Ганусе по любому вопросу есть что сказать. Наконец она засобиралась домой. Я взяла с нее слово, что про труп никто не узнает.

– Ну что ты, куколка, как я могу? – стоя уже в дверях, долго укоряла меня Гануся. – Ты же любимейшая подруга, но покажись психиатру. И не стесняйся, это нормально, у одиноких женщин это бывает.

– Ни за что, – ответила я, демонстрируя твердость характера.

– Тогда рискни, Нинусе откройся. Она, конечно, ни то ни се и училась так-сяк, но все же психолог, – делая кислую мину, вздохнула Гануся.

Ради справедливости я решила ей возразить:

– У Нинуси красный диплом, но довериться ей я тем более не могу. Не хочу Нинусю расстраивать.

– Ну не знаю, куколка, в любом случае надо что-то предпринимать. У тебя же в полный рост глюки.

Я рассердилась:

– Думаешь, что говоришь?

– Думаю.

– Нет, не думаешь.

– Я всегда думаю.

– Но не всегда это заметно, – отрезала я, давая понять, что имею границы терпения.

– Зря злишься, – царственно потрепала меня по щеке Гануся. – Если крыша съезжает, не надо стесняться, надо лечиться. Когда я последний раз разводилась, неделю стоя спала. И ничего, вылечилась. И счастлива.

Вдруг задумавшись, она направилась к лифту. Я поняла, что могу быть свободна, и осторожно прикрыла дверь.

Глава 11

Повернув ключ на три оборота, я облегченно привалилась к двери. Прикрыв глаза, замерла от блаженства. Труп нет, Гануси нет, алиби мне не нужно, и Выдра пошла вон! Зато халат и тапочки на месте, ковер на полу, велюр без единого пятнышка, шуба и сапоги спасены.

Что это, если не рай? Сделаю влажную уборку, выплюсь, приму ванну, постираю волосы, побрею ноги и можно звонить Коле.

От этой мысли сладко заныло в груди. Представились зеркала в тусклом свечном пламени, шампанское в широких элегантных бокалах и я в длинном бархатном платье с открытой спиной. Сильные руки Коли на моих крутых бедрах, наши губы жадно ищут поцелуев...

Ох!!! Захотелось вновь потонуть в ласковом омуте его синих глаз!

«Интересно, как он смотрит на Выдру в редкие минуты вдохновения?» – ревниво подумала я.

Вспомнив, как выглядит Выдра, я пришла к выводу, что о таких минутах не может идти и речи. Он живет с ней из жалости к своей малометражной квартирке. Разве можно разменять такую берлогу? Вот бедняга и мается с нервной и затрапезной Выдрой, без волшебства, без вдохновения, без грез, без счастья, без любви.

«Ничего, когда он переедет ко мне, хлебнет всего этого с переизбытком. Ему еще надоест – мужики зажираются быстро».

С такой мыслью я схватила тряпку, швабру, ведро и приступила к влажной уборке. Ободренная мечтами о предстоящей встрече с Колей, я так носилась по квартире, словно всю ночь спала праведным сном, а не таскалась туда-сюда с трупом.

Начав по обыкновению с самой дальней точки квартиры (кухни), я двигалась по прихожей, тщательно моя все на своем пути. Мгновенно разделалась с туалетом (вот где у меня всегда стерильная чистота) и ванной, после чего занялась спальней.

Из четырех своих комнат живу я лишь в двух: в спальне и гостиной. Можно было бы продать эту дорогую квартиру, купить в два раза меньше и жить на проценты, но я не могу. Думаю, что от жадности. И теперь все время ломаю голову, как бы приспособить пустующие комнаты к делу. Стану умной, планирую я, и в зеленой комнате расположу библиотеку, а в зале – кабинет.

Но когда это будет? Если верить Ганусе, то умной я никогда не стану. А пока эти лишние комнаты нужны мне затем, чтобы иногда подвергать их влажной уборке.

Спальней я сделала комнату, расположенную в самом конце коридора. Это удобно, потому что входная дверь (с лифтом и прочим) остается в приятной дали, а кухня, ванная и туалет – в необходимой близости.

Гостиная оказалась жилой, как раз наоборот, из-за своей близости к входной двери. Очень удобно впускать всех в квартиру и сразу же направлять в дверь напротив. Минимум уборки. Сидят, смотрят или на мой дорогой портрет, или в дешевенький телевизор, и мне никаких хлопот. Если установятся более близкие отношения, тогда уж можно перейти в спальню, поближе к кухне, ванной и туалету.

Таким образом, из обращения выпадают целых две комнаты – зеленая и зал, находящиеся между гостиной и спальней. Они самые большие, а потому я не слишком стремлюсь пускать в них жизнь с гостями, мусором и пылью. Зеленая и зал связаны общим балконом, длинным и довольно широким.

Убравшись в спальне, я вылетела в коридор, открыла следующую дверь и жадно набросилась на зеленую комнату. Приятный буковый паркет (уложенный дощечка к дощечке и зеркально покрытый английским лаком) протирать одно удовольствие. Раз, два и порядок. Как

хороша эта комната! Интересно, куда мог подеваться труп? А может, его и в самом деле не было?

Да нет, я не сошла с ума. И все же странно...

Я выпорхнула на балкон. Всей грудью вдыхая приятный утренний воздух и радостно обозревая простершийся подо мною Петербург, я вошла в субботнее настроение и подумала: «Какое счастье быть живой, красивой и молодой, жить одной в просторной квартире улучшенной планировки, набитой коврами, хрусталем и даже чуточку антиквариатом. Нужен ли мне новый муж? В такой квартире только прибраться и лежать на ковре в пеньюаре. А муж схватит газету и рухнет перед телевизором прямо на мой диван, и, конечно, в обуви. К тому же муж много ест, трудненько его прокормить.

Нет, хватит, натерпелась, довольно. Муж не нужен, ограничусь любовником. Коля, конечно, будет приходить, но иногда и ненадолго. В остальное время стану лежать на ковре в пеньюаре и слушать прекрасную музыку Баха или Бетховена».

Твердо решив обойтись без мужа, я с утроенным воодушевлением продолжила уборку. Смахнув пыль с кафельного пола балкона, остановилась перед дверью в зал. Это был мой обычный летний маршрут. Зимой я, исключая из уборки балкон, попадаю в зал через коридор прихожей, третья дверь от кухни. Летом же вхожу только с балкона. Так я поступила и в этот раз.

Зал – это настоящий шедевр моего третьего мужа. Он был директор завода, но голова и руки у него находились на месте. Причем делать он умел своими руками много чего не только в постели. Зал – это резьба по липе и зеркала, зал – это мозаичные полы каких-то невиданных пород дерева и хрустальный потолок с диковинной подсветкой...

Два года я была замужем за директором завода, и ровно столько он не вылезал из этого чертового зала. Все свободное время он проводил за работой во имя зала и для него. Я страдала, мучилась до тех пор, пока не встретила своего четвертого мужа. После этого неожиданно состоялся развод. Директор завода покидал мою квартиру с единственным сожалением – не успел бедняга доделать двустворчатые двери в так полюбившемся ему зале. Я, хоть убей меня, до сих пор понять не могу, что же он там недоделал. Однако директор завода время от времени звонит мне и спрашивается, доделал ли кто эти дурацкие двери. Я говорю: «Нет, стоят недоделанные». А сама смотрю на двери и думаю: «Двери как двери, широкие, красивые, с матовыми стеклами. И не надо их никому доделывать».

Мозаичные полы я протираю с особой осторожностью, любуюсь их красотой. Зал вообще только для того, чтобы любоваться. Приду, полюбуюсь, протру полы, смахну пыль и закрываю двустворчатые двери. На душе покой, словно в церковь сходила.

Простите, я снова вру. Вру безбожно. Зал как зал, и третий муж был совсем не директор. Гануся меня за вранье постоянно ругает, но как жить, если совсем не мечтать? От той жизни, которой живу, можно только одно: удавиться. А так, немного приврешь одному, другому, и сама поверишь, что все так и есть. Ну почему так трудно живется нам, женщинам?

Проходя с этой мыслью мимо столика, я заметила пепельницу.

«Все же вовремя я развелась с неряхой последним мужем. Но когда он успел побывать здесь с пепельницей? Я давно знала, что он пристрастился курить в святая святых, но вчера с него глаз не спускала. И все же как-то он умудрился. Наверное, после прощания, когда я отправилась в душ. Да, он неряха! Вот что там валяется за креслом в углу? Что за мусор? И кто придвинул кресло вплотную к дивану, как в мебельном магазине?»

Я энергично отодвинула кресло и... тут же осела на пол. Жить опять не хотелось. Мой труп, в совершенно безвкусной кофте и абсолютно кошмарной юбке, задрав ноги (ужасная поза!), обутые в старушечьи туфли, преспокойно лежал на диване. Я не успела прийти в себя, как раздалось подряд три звонка.

«Черт возьми! Соседка! Пришла за своей кофемолкой. Ну почему бы мне вовремя не вернуться? Когда? Я же таскаюсь с трупом! Что делать? Не открывать!

Как же, она услышала запах кофе. Интересно, какой садист вентканалы придумал? Она вредная, не уйдет, будет трезвонить до посинения. Надо открыть, но что делать с трупом? Вдруг она вздумает в зал заглянуть? Эта соседка любит везде сунуть нос. Дернул меня черт взять вчера у нее кофемолку. Дорого придется за это платить: она сплетница и теперь не отвяжется. И ради кого я буду страдать? Ради подлого мужа! Ведь это ему приспичило выпить хорошего кофе!»

Все эти мысли в одно мгновение пронеслись в моей голове. Молнией я вылетела в кухню и вернулась в зал уже с сигаретами. Труп я оставила на диване, лишь придала ему приличную позу. Зажгла сигарету, жадно затянулась и воткнула ее между одеревеневшими пальцами покойной. (Бог мой, что я мелю?! Какой там покойной?! Ей-то как раз покоя и нет, как и мне!) Я придвинула к краю стола пепельницу бывшего мужа и врубила магнитофон на полную мощность. Получилось очень правдоподобно: девушка полулежит на диване, курит и, закрыв глаза, наслаждается музыкой.

Лишь после этого под громкие звуки «Та-ган-ка...» я пошла удовлетворять любопытство соседки. Двери в зал нарочно оставила нараспашку, мол, бояться мне нечего.

Соседка так заждалась, что я с трудом оторвала ее от кнопки звонка и сразу потащила на кухню.

По пути она заглянула в зал и вежливо поздоровалась с трупом.

– Спасибо большое, – сказала я, вручая ей кофемолку.

– Может, она вам еще нужна? – проявила любезность соседка.

Я поспешно воскликнула:

– Нет, нет, спасибо, муж уже починил мою. При слове «муж» брови соседки без труда пересекли узкий лоб и переместились к телячьей челке.

Нет, таких женщин надо заживо хоронить! Сама никогда не имела настоящего мужа, но зато болезненно интересуется нашими!

– Я слышала, Музочка, вы развелись, – процедила она со злорадной улыбкой.

– Такое со мной иногда случается, – беспечно бросила я, всем своим видом давая понять, что занята.

Из зала уже доносилась оптимистичная «Багама мама».

– Вам несладко придется без мужа, – взялась мне притворно сочувствовать добрячка соседка.

Она явно была расположена к беседе. Это совсем не входило в мои планы.

– Сейчас, дорогая, приду, только сварю нам по чашечке кофе, – крикнула я в зал курящему трупу, после чего бодро просветила соседку:

– Больше переживаю, как мужу придется. Ведь мужчины беспомощны.

– А мне он казался самостоятельным, – вставила новую шпильку соседка.

– Особенно его самостоятельность была заметна у двери лифта, ведь там вы встречались изредка, – ответила я.

Залихватски засыпав кофе в свою неисправную кофемолку, я свирепо нажала на кнопку. Грохот поднялся такой, что заглушил забойную «Багаму маму».

Соседка упрямо пыталась со мной говорить, но я улыбалась, пожимая плечами.

Потом я выключила кофемолку, повернулась к соседке спиной и принялась варить кофе: себе и трупу. Моя спина была красноречива: хватай кофемолку и уматывай, пока ветер в спину.

Из зала уже доносилось более русское «Жениха хотела, вот и залетела, ла-лала-лала».

Под эти шаловливые звуки соседка и удалилась, оскорбленно бросив моей спине: «Не буду мешать», – и вежливо попрощавшись с трупом.

Я крикнула вслед:

– Простите, не провожаю, боюсь, убежит мой кофе.

– Я дорогу найду, – пробубнила соседка и хлопнула дверью.

Проследив за шапочкой пены, я быстро выключила газ и разлила кофе по чашкам.

Поставив их на поднос, механически направилась в зал, но, увидев лежащий на диване труп с потухшей в руке сигаретой, выругалась и вернулась с подносом на кухню.

«Точно чокнулась, трупам кофе в постель подаю!»

Подзалетевшая девица закончилась и грянула снова «Багама». Муж любимые песни записывал одну за другой по кругу – все три.

Я решительно направилась в зал, но дверь прихожей медленно начала открываться.

Охваченная нехорошим предчувствием, я метнулась к стенному шкафу, тихонько его приоткрыла и просочилась внутрь, оставив в двери узкую щелку для наблюдения.

«Багама мама» гремела так, что я не слышала не только чужих шагов, но и своего сопения. Вдруг в поле зрения показался мужчина, молодой, высоченный, в джинсах и черной кожаной куртке. Я видела, как он крадется, как сунул руку за пазуху, как вошел в зал...

Меня охватила паника. Сейчас он обнаружит курящий труп! И мне конец! Через пять минут здесь будет милиция!

Какой-то глухой шлепок раздался из зала, парень стремительно пронесся мимо шкафа, и снова хлопнула входная дверь.

Я выбралась из шкафа и первым делом закрыла замок. Потом я метнулась в зал и выключила музыку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.